

В. Психознергетика.

І.

Прежде всего, намъ надо отчетливо установить самое понятіе «жизнеразности». Дѣло въ томъ, что Авенариусъ, создавшій это понятіе, придалъ ему формулировку, на нашъ взглядъ, совершенно неудовлетворительную съ біологической точки зрѣнія. Въ его формулировкѣ чувствуются остатки консервативнаго, статическаго пониманія жизни, того, которое шагъ за шагомъ устраняется въ развитіи эволюціоннаго мышленія. Эти остатки достаточно выяснить, чтобы отбросить.

Въ основѣ явленій жизни лежитъ подвижное равновѣсіе энергіи, двусторонній потокъ между жизненной системой и ея средою. Ассимиляція, усвоеніе энергіи изъ внѣшней среды идетъ рядомъ съ дезассимиляціей, потерей энергіи, ея разсѣяніемъ въ этой же средѣ. Полное равновѣсіе обоихъ потоковъ во всѣхъ частяхъ системы есть случай идеальнаго консерватизма; такого консерватизма нельзя найти въ дѣйствительности, но онъ—удобная абстракція, которая всего лучше можетъ служить исходной точкой изслѣдованія. Всякій реальный процессъ жизни представляетъ рядъ непрерывныхъ нарушений идеальнаго консерватизма, то въ одну, то въ другую сторону.

Норма идеальнаго консерватизма жизни сама есть *величина непрерывно измѣняющаяся*. Каждый моментъ прино-

силь какое-нибудь, хотя бы ничтожное, изменение во внутренних отношениях системы; в каждое последующее мгновение она уже не выполнит та, что в предыдущее. Это вполне очевидно, если представить себе рядом целые обширные периоды жизненного цикла: равновесие жизни для ребенка не то же, что для старика, для юноши не то же, что для зрелого человека. А так как превращение совершается непрерывно, то и бесконечно-малые изменения каждого момента хотя незамечны, но несомненны.

Пусть равновесие жизни в течение некоторого времени нарушается в пользу ассимиляции: она преобладает над затратами энергии. Затем в известный момент обе стороны жизненного процесса уравниваются. Идеальное равновесие восстанавливается, но это—уже не то равновесие, какое было до нарушения. Та общая сумма энергии, которую представляет система, больше прежней: организм вырос, ребенок стал юношей. Если бы система вернулась к прежнему равновесию, это означало бы понижение жизни, деградацию. Поэтому идеальное (мыслимое) равновесие системы вовсе не есть *идеаль* жизни; или, вернее, это идеаль, но статический, застойный, а не динамический, прогрессивный. В анализе жизненных колебаний нельзя упускать различия между возрастанием и понижением энергии системы, нельзя рассматривать оба случая, как принципиально однородные.—Но именно это делает Авенариус.

Ему дело представляется таким образом. В течение, положим, сна в жизненной системе *) накапливается, вследствие перевеса «питания» над «работой», избыток «питания». С

*) Авенариус занимается в своем изложении только „системой С“, центральным нервным аппаратом, и даже большей частью составляющими его „частичными системами“ („Partialsystem“). Система С и для нас представляет наибольший интерес, но принимая принципиальную однородность жизненных процессов, мы берем, расширяя задачу, более общия формулировки.

избыткомъ «питанія» человѣкъ вступаетъ въ активную жизнь бодрствованія, и *жизненная задача* организма — установить равновѣсіе путемъ увеличенія «работы». Авенаріусъ не употребляетъ термина «жизненная задача», но именно таково его пониманіе даннаго процесса, потому что онъ считаетъ, что перевѣсъ «питанія» непрерывно уменьшаетъ «жизнесохранимость» системы („Vital-Erhaltungswert“), и только соответственнымъ возрастаніемъ «работы» это уменьшеніе «жизнесохранимости» можетъ быть сведено до minimum. Въ этомъ смыслѣ для него совершенно однородны оба случая—и перевѣсъ «питанія» надъ «работой», и перевѣсъ «работы» надъ «питаніемъ».

Прежде всего, намъ надо устранить изъ изслѣдованія грубо-матеріалистическій и неточный терминъ «питаніе» („Ernährung“). Процессъ питанія есть только главный путь ассимиляціи виѣшней энергіи системою, но не единственный путь. Есть всѣ основанія думать, что энергія, напр., мелкихъ возбужденій, достигающихъ центральнаго аппарата по нервнымъ проводникамъ, можетъ ассимилироваться нервными клѣтками повышая запасъ ихъ потенціальной энергіи. Терминъ «питаніе» безъ нужды затемняетъ дѣло, заставляя постоянно видѣть въ процессѣ жизненной ассимиляціи—усвоеніе матеріальныхъ частицъ, тогда какъ дѣло идетъ о потокѣ энергіи, для котораго такія частицы являются лишь одною изъ обычныхъ формъ.— Менѣе удобенъ второй терминъ «работа»; но и онъ заставляетъ думать не о всѣхъ возможныхъ типахъ дезассимиляціи, а главнымъ образомъ объ одномъ—объ иннерваціонномъ процессѣ; и ужъ во всякомъ случаѣ съ нимъ трудно связать, напр., ту непрерывную затрату энергіи клѣтокъ, которая выражается въ разсѣяніи тепла; а игнорировать такіе пути дезассимиляціи нельзя, и нельзя окончательно отъ нихъ отвлечься, потому что жизненный процессъ есть прежде всего процессъ интегральный, динамическое цѣлое.

Перевѣсъ «питанія» надъ «работой» легко можно понимать въ такомъ смыслѣ, что жизненной системѣ доставляются извнѣ

запасы энергіи, которыхъ она не успѣваетъ ассимилировать, которые ее какъ бы загромождаютъ, нарушая теченіе ея жизнедѣятельности, вызывая усиленные растраты ея энергіи. Въ этомъ истолкованіи «жизнеразность» съ перевѣсомъ «питанія» окажется, конечно, жизненно-вреднымъ фактомъ, и ея устраненіе необходимо, чтобы поддержать «жизнесохранимость». Но ясно, что самое понятіе «жизнеразности» примѣнено тогда неправильно. «Жизнеразность» есть разность двухъ жизненныхъ величинъ; но эти величины должны быть строго однородны—только тогда формула вычитанія имѣетъ научное значеніе. Если же сдѣлать уменьшаемымъ—количество извнѣ доставленной системѣ энергіи, которую ей еще только предстоитъ ассимилировать, которая, слѣдовательно, является пока еще *чуждой, посторонней* для ея жизненного процесса, а вычитаемымъ—количество энергіи, которая затрачивается системою, энергіи, которая уже *принадлежитъ* системѣ, есть *ея собственная* энергія, то въ вычитаніи окажутся сопоставлены двѣ жизненно-разнородныя величины, и формула «жизнеразности» не имѣетъ научнаго значенія. Надо сопоставлять дѣйствительно происходящую ассимиляцію энергіи системою съ дѣйствительно происходящей дезассимиляціей—тогда только понятіе «жизнеразности» пригодно для анализа. Въ своихъ опредѣленіяхъ Авенаріусъ, несомнѣнно, склоняется къ послѣднему, болѣе научному понятію жизнеразности; но въ своихъ выводахъ онъ постоянно переходитъ къ первому, неточному понятію, и картина жизни системы С выступаетъ въ очень невѣрномъ освѣщеніи.

Для Авенаріуса представляется безспорнымъ, что перевѣсъ ассимиляціи надъ дезассимиляціей—мы назовемъ это «положительной» жизнеразностью, и перевѣсъ дезассимиляціи надъ ассимиляціей—жизнеразность отрицательная—имѣютъ принципиально одинаковое значеніе, именно—приближаютъ систему къ гибели или дегенерации, словомъ—означаютъ *неприспособленность*. Съ біологической точки зрѣнія такой взглядъ, хотя до сихъ поръ еще очень распространенный между физиоло-

гами, представляется совершенно недопустимым; онъ противорѣчитъ и общей концепціи прогресса жизни, и конкретнымъ фактамъ развитія.

Положительная жизнеразность, преобладаніе ассимиляціи означаетъ во всякомъ случаѣ возрастаніе энергіи системы, именно потенціальной энергіи, которая можетъ затѣмъ тратиться въ жизненномъ процессѣ. Очевидно, что въ борьбѣ за жизнь система должна, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сохраняться тѣмъ дольше, побѣждать тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше энергіи она способна затратить на эту борьбу, чѣмъ выше сумма потенціальныхъ силъ, которыми располагаетъ система. Поэтому именно положительныя жизнеразности представляютъ изъ себя *количественную сторону біологическаго прогресса*. Наоборотъ, жизнеразность отрицательная, перевѣсъ затратъ энергіи, ведетъ къ пониженію потенціальной энергіи системы, къ уменьшенію ея силъ въ жизненной борьбѣ; это *количественная деградация системы*. Оба типа явленій взаимно противоположны по жизненному значенію, и ихъ нельзя ставить подъ одну скобку.

Всю первую половину жизненнаго цикла организма, отъ за-рожденія до полной зрѣлости, съ полнымъ основаніемъ принято считать прогрессивной эволюціей, возрастаніемъ жизнеспособности организма, силы его сопротивленія въ жизненной борьбѣ съ внѣшней природою. Между тѣмъ вся эта половина эволюціи въ своей основѣ имѣетъ *положительныя жизнеразности*, перевѣсъ ассимиляціи, то накопленіе энергіи, которое обозначается, какъ «процессъ роста» организма.— Когда же преобладаніе переходитъ на сторону отрицательныхъ жизнеразностей, начинается вторая половина жизненнаго цикла: энергія системы шагъ за шагомъ падаетъ, система деградируетъ.

Чтобы устранить еще нѣкоторые сомнѣнія въ вопросѣ о томъ, какъ слѣдуетъ истолковать эти основные жизненные факты, я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ, написан-

ныхъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ другой работѣ *).

«...эпоха относительнаго равновѣсія—зрѣлый возрастъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха наибольшей приспособленности системы. Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что равновѣсіе системы и должно признаваться ея «идеальнымъ состояніемъ»?

«Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько такая мысль неправильна, достаточно вспомнить тѣ случаи, когда жизненное равновѣсіе достигается преждевременно. Если процессъ роста задерживается въ дѣтскомъ возрастѣ, не доходя до нормы, то равновѣсіе системы выступаетъ въ соединеніи съ весьма невысокой жизнесохранимостью; жизнесохранимость эта значительно меньше той, которая наблюдается при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, но при обычномъ перевѣсѣ «питанія» надъ «работою».

«Впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ утверждать, что высокая приспособленность зрѣлаго возраста зависитъ именно отъ того, что устранены нормальныя жизнеразности дѣтства и юности, перевѣсѣ «питанія» надъ «работою». Вѣроятно, всякій согласится, что здѣсь высокая приспособленность достигается въ значительной мѣрѣ именно *благодаря* этимъ жизнеразностямъ, *благодаря* тому возрастанію энергіи системы, которое ими создано».

Все это представляется довольно элементарнымъ и безспорнымъ. Но такова ли точка зрѣнія Авенариуса? Вотъ что говоритъ онъ въ своей „Kritik der reinen Erfahrung“ (I B; S. 63—64):

«Aus dem Mutterschoss, diesem Sanktuarium der Erhaltung, wird das Kind vertrieben: ausgestossen in eine fast absolut andere, neue, ungewohnte, nur zum Teil noch erhaltungsfreundliche Umgebung. Nun ist es

*) „Познаніе съ историческ. точки зрѣнія“, 1901, стр. 19. Тамъ этотъ же вопросъ—о значеніи жизнеразностей—разсмотрѣн мною, но мимоходомъ, сравнительно бѣгло и сжато.

ausgesetzt den Änderungen, die ihm aus der Umgebung und deren Wandlungen erwachsen; und ausgesetzt wird es alsbald sein den Schicksalen, welche ihm die typischen Änderungen des eigenen Entwicklungsganges aufdrängen.

«Und das heisst: das System C ist durch die Geburt aus einer annähernd idealen Umgebung in eine nicht-ideale Umgebung versetzt worden.

«... Und unsere Aufgabe wird somit zunächst darauf gerichtet sein, die Änderungen des Systems C zu analysieren: sofern sie als *Verminderung* des vitalen Erhaltungswertes des Systems C oder aber als Behauptungen, dieses Systems unter solchen Verminderungen zu denken sind».

«Младенецъ насильственно удаляется изъ чрева матери этого святилища сохраненія жизни, онъ выбрасывается въ новую, почти абсолютно иную среду, непривычную, только отчасти благоприятную для поддержанія его жизни. Тутъ онъ подвергается измѣненіямъ, которыя возникаютъ для него изъ условій среды съ происходящими въ ней перемѣнами; и затѣмъ ему предстоитъ переживать тѣ судьбы, которыя съ необходимостью навязываются ему типической послѣдовательностью измѣненій въ его собственномъ циклѣ развитія».

«Другими словами: система C путемъ акта рожденія перемѣщается изъ среды приблизительно соответствующей идеалу въ среду неидеальную.

«... Наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы анализировать измѣненія системы, и именно постольку, поскольку ихъ приходится разсматривать либо какъ *уменьшенія* жизнесохранимости системы C, либо какъ акты *поддержанія* этой системы при наличности (среди) такихъ уменьшеній».

Такимъ образомъ для Авенариуса съ самаго рожденія ребенка начинаются «уменьшенія жизнесохранимости», которыя идутъ вплоть до наступленія смерти и, къ счастью, ею заканчиваются. Куда же дѣваестя съ этой точки зрѣнія весь

періодъ прогрессивной эволюціи человѣка *)? Сущность дѣла заключается въ *абсолютномъ характерѣ* самаго понятія жизнесохранимости у Авенариуса.

«Da, wie das ganze System *C*, so auch seine Bestandteile, bez. seine Formelemente, entstehend und vergehend gedacht werden, so muss—wenn für irgend einen Zeitpunkt der verlangte denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems *C* angenommen wird, mit demselben eine *absolute* Erhaltung *aller* centralen Partialsysteme, bez. Formelemente, angenommen werden; d. h. der denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems *C* ist als die Summe der denkbar grössten Erhaltung aller seiner Bestandteile, bez. Formelemente, zu denken». («Критикъ реины Erfahrung», I B, S. 66).

«Какъ систему *C* въ ея цѣломъ, такъ и ея составныя части—соотвѣтственно этому, и ея форменные элементы (кѣтки. А. Б.)—мы представляемъ въ процессѣ возникновенія и разрушенія; поэтому, *если* для какого-нибудь момента времени мы принимаемъ означенную наибольшую мыслимую величину жизнесохраненія, то тѣмъ самымъ мы принимаемъ *абсолютное* сохраненіе *всѣхъ* частичныхъ системъ центральнаго ап-

*) „... не слѣдуетъ ли признать жизнесохранимость младенца большею, чѣмъ жизнесохранимость взрослого, потому что первый можетъ еще прожить лѣтъ 70, а второй, сверхъ своихъ 30, врядъ ли проживетъ болѣе 40 лѣтъ? Но тутъ надо принять во вниманіе вотъ что: шансы младенца на 70 лѣтъ жизни очень малы, напр., 1 изъ 50—60; а шансы взрослого на 40 лѣтъ жизни довольно велики, напр., 1 изъ 5—6. Обобщающая тенденція науки не позволяетъ намъ считать первую величину жизнесохранимости больше второй: это значило бы—придать больше значенія частнымъ случаямъ, чѣмъ общему правилу. Изъ сопоставленія можно вывести только одно: что жизнесохранимость младенца *еще можетъ возрасти* въ процессѣ его развитія, а для взрослого она уже близка къ maximum, и врядъ ли еще увеличится; поэтому первый *при благоприятныхъ условіяхъ* и проживетъ дольше“.

(„Познаніе съ истор. точки зрѣн.“ стр 18, примѣч.).

парата и, соотвѣтственно этому, всѣхъ форменныхъ элементовъ; другими словами, идеальная наибольшая жизнесохранимость системы *S* должна мыслиться, какъ сумма идеально-наибольшей жизнесохранимости всѣхъ ея составныхъ частей, — всѣхъ ея форменныхъ элементовъ».

Оперируя съ такими «абсолютными» величинами, нельзя, разумѣется, дать вѣрной картины прогрессивнаго развитія жизни: всякое, даже самое цѣлесообразное для жизненной борьбы измѣненіе системы представится, какъ нарушеніе, какъ «уменьшеніе» («*Verminderung*») абсолютнаго сохраненія жизни, котораго нигдѣ не наблюдается въ природѣ. Въ сущности, даже съ логической стороны эта концепція очень сомнительна: гдѣ есть абсолютный консерватизмъ, тамъ нѣтъ жизни, потому что жизнь немислима безъ представленія активности, борьбы со внѣшней средою; а гдѣ нѣтъ жизни, тамъ неправильно и говорить о какой бы то ни было «величинѣ сохраненія жизни». — Но даже оставляя это въ сторонѣ, концепція идеальнаго консерватизма совершенно несостоятельна съ біологической точки зрѣнія.

Съ тѣхъ поръ какъ эволюціонныя идеи проникли въ область наукъ о жизни, статическое представленіе о неизмѣнныхъ, абсолютно установленныхъ формахъ жизни дѣлалось все болѣе непригоднымъ, и день ото дня вытѣснялось изъ научнаго мышленія. Дарвинизмъ, наконецъ, довершилъ гибель этого представленія, показавши, что условіемъ дѣйствительнаго сохраненія жизни является, вообще говоря, *измѣненіе* ея формъ. Только прогрессивное приспособленіе къ средѣ съ ея непрерывно измѣняющимися вліяніями гарантируетъ всякой данной формѣ жизни ея сохраненіе; и это сохраненіе означаетъ, конечно, не абсолютный, а только относительный консерватизмъ. Но зато оно можетъ означать и нѣчто большее, чѣмъ какой бы то ни было консерватизмъ — именно, возрастаніе, прогрессъ жизни. Задача біомеханики — понять этотъ прогрессъ, дать его вѣрное и стройное изображеніе для познающаго. Разъ такая задача поставлена, формулы, построенныя на идеѣ абсо-

лютнаго консерватизма, становятся познавательны безполезны.

Самъ Авенариусъ оказывается не въ состояніи строго выдержать ту точку зрѣнія, на которую онъ сталъ благодаря непригодной абстракціи «абсолютнаго сохраненія системы». Между тѣмъ какъ во всей почти своей работѣ онъ видитъ въ ходѣ жизненныхъ колебаній только «уменьшенія жизнесохранимости» и «поддержаніе (Behauptungen) системы среди такихъ уменьшеній», въ главѣ о «конгрегальныхъ системахъ» (коллективностяхъ, какъ напр., семья, общество) у него выступаетъ неожиданно «увеличеніе жизнесохранимости» («Kr. d. rein. Erf.», I, B. S. 165):

«...je mehr sich die Teilsysteme im Sinne gegenseitiger Vermehrung des vitalen Erhaltungswertes behaupten, desto günstiger sind die Bedingungen für die Erhaltung des Gesamtsystems».

«Чѣмъ болѣе самосохраненіе частичныхъ системъ (напр., отдѣльныхъ личностей. А. Б.) совершается въ такомъ направленіи, что онѣ взаимно увеличиваютъ свою жизнесохранимость, тѣмъ благоприятнѣе условія для сохраненія всей системы» *).

Въ оправданіе своей мысли, что *всякая* жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность системы, Авенариусъ указываетъ на нѣкоторые конкретные факты. Но факты эти частью невѣрно истолкованы, частью говорятъ противъ мнѣнія Авенариуса.

Всѣ тѣ случаи, когда жизненной системѣ *доставляется* слишкомъ много «питанія» при сравнительно нормальной «работѣ», и когда она вслѣдствіе этого разстраивается, оказы-

*) Надо замѣтить, что глава о „конгрегальныхъ системахъ“ какъ-то выдѣляется среди „Критики чистаго опыта“: въ то время, какъ остальные части работы имѣютъ сильно выраженную нео-ламаркистскую окраску, въ этой главѣ преобладаетъ дарвинистическая точка зрѣнія. Къ сожалѣнію, идеи, намѣченные въ этой главѣ, слишкомъ мало примѣняются въ остальной работѣ.

зывается неприспособленной,—все эти случаи не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу. Мы уже указали, что доставка питанія совсѣмъ не то, что его ассимиляція, и не можетъ разсматриваться, какъ одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго равновѣсія; когда доставляемое извнѣ питаніе не ассимилируется тканями, то оно остается въ нихъ, какъ инородное тѣло, въ видѣ, напр., жировыхъ отложеній, и стѣсняя жизнедѣятельность тканей, легко можетъ вести къ ихъ атрофіямъ, и перерожденіямъ; но при этомъ дѣло будетъ идти именно о чрезмѣрной растратѣ энергіи живыми тканями, благодаря хронически дѣйствующему вредному вліянію, а не о чрезмѣрной ассимиляціи. А когда ассимиляція повышеннаго питанія удастся, и не покрывается повышенными затратами, тогда наблюдаются только явленія *роста*, въ которыхъ нельзя видѣть неприспособленности.

Частный случай такого же рода представляетъ приводимый Авенаріусомъ психіатрическій примѣръ—маніакальная экзальтація и манія. При нихъ главное фізіологическое явленіе—это гиперемія мозга, «also ein zuviel an Ernährung» («стало быть, излишекъ въ питаніи»), замѣчаетъ Авенаріусъ. Но въ томъ-то и дѣло, что гиперемія означаетъ лишь усиленную *доставку* питанія, а не его повышенную ассимиляцію, и терминъ «питаніе», взятый въ его вульгарномъ значеніи, явнымъ образомъ спутываетъ мыслителя. Происходитъ ли дѣйствительная ассимиляція той массы сырого матеріала, которая при маніи доставляется мозгу кровеносной системой, или, напротивъ, нервнымъ клѣткамъ приходится затрачивать массу энергіи, чтобы только освободиться отъ загромождающаго ткани и стѣсняющаго ихъ жизнедѣятельность неусвоеннаго матеріала? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ врядъ ли возможны сомнѣнія—всякая живая клѣтка можетъ ассимилировать питаніе лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, а тѣмъ болѣе нѣжная гангліозная клѣтка головного мозга, да еще при такомъ неблагоприятномъ условіи, какъ длительное увеличеніе внутричерепного давленія.

Но этотъ примѣръ при ближайшемъ анализѣ еще болѣе

очевиднымъ образомъ говорить противъ Авенаріуса. Въ началѣ развитія маниакальной экзальтаци, пока гиперемія еще не очень сильна и клѣткамъ удастся ассимилировать избыточное питаніе, организмъ проявляетъ временное повышеніе жизни, патологическій характеръ котораго обнаруживается лишь въ дальнѣйшемъ;—въ началѣ дѣло сводится только къ нѣкоторому пріятному возбужденію, которое сопровождается скорѣе повышеніемъ, чѣмъ пониженіемъ физическаго здоровья; жизненная упругость тканей возрастаетъ, мускульная сила увеличивается, общій видъ человѣка улучшается; все это, и особенно хорошее самочувствіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что передъ нами—нѣкоторое *возрастаніе непосредственной приспособленности*, а не ея уменьшеніе. Между тѣмъ вопросъ заключается именно въ *непосредственномъ*, прямомъ значеніи данной жизнеразности; если же затѣмъ выступаютъ яркія явленія настоящей болѣзни — неприспособленности, то вѣдь и жизнеразность измѣняетъ свой знакъ—изъ положительной переходитъ въ отрицательную: нервная ткань уже не можетъ справляться съ массою матеріала, приносимаго кровью, и онъ нарушаетъ всю ея жизнедѣятельность, да кромѣ того, громадное количество энергіи тратится на безчисленные импульсивныя движенія, въ результатѣ которыхъ вся система еще отражается возникающими въ чрезвычайно увеличенныхъ размѣрахъ продуктами жизненнаго распада функціонирующихъ тканей. Словомъ, пока ассимиляція преобладаетъ, жизнь непосредственно повышается, когда получаетъ перевѣсъ дезассимиляція—жизнь падаетъ. Съ точки зрѣнія Авенаріуса совершенно нельзя объяснить состоянія больного на первыхъ стадіяхъ маниакальной экзальтаци.

Наибольшее значеніе Авенаріусъ придаетъ тому общему факту, что *недостатокъ работы* ведетъ къ вырожденію и гибели форменныхъ элементовъ. Но здѣсь достаточно небольшого анализа, чтобы увидѣть коренную ошибку. Ткани, которыя недостаточно работаютъ, какъ указываетъ самъ Авенаріусъ, *атрофируются*, т.-е. во всякомъ случаѣ теряютъ энергію, слѣ-

довательно—«питаются» недостаточно, ассимилируютъ меньше, чѣмъ дезассимилируютъ (самое слово «атрофія» означаетъ недостатокъ питанія). И это вполне понятно: работа есть необходимый *физиологическій стимулъ* питанія, и вообще ассимиляции; ткань, которая очень мало работаетъ, еще меньше питается, и оттого-то она не растетъ (какъ было бы при дѣйствительномъ перевѣсѣ «питанія»), а уменьшается и становится дряблой. Отложенія жира, которыя при этомъ большей частью, получаютъ отнюдь не означаютъ излишка ассимиляции: это инородное тѣло для ткани.

Несомнѣнно, что бывають случаи, когда продолжительный перевѣсъ ассимиляции ведетъ къ кризисамъ, и даже гибели жизненной системы; но и эти факты при ближайшемъ изслѣдованіи не подтверждаютъ взгляда Авенаріуса. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока ассимиляция дѣйствительно преобладаетъ, организмъ благоденствуетъ. Поворотъ въ состояніи организма совпадаетъ съ поворотомъ жизнеразностей. Послѣ ряда лѣтъ привольной жизни наступаетъ пресыщеніе или сплинъ. Является хроническое сжатіе мелкихъ сосудовъ—судорожное состояніе вазомоторной системы: затрачивается масса нервной энергіи на это повышеніе иннервации безчисленныхъ кольцевыхъ мускульныхъ волоконъ, окружающихъ мелкіе сосуды, и въ то же время уменьшается поверхность, черезъ которую происходитъ питаніе тканей. Положительныя жизнеразности смѣняются отрицательными — «благо во зло обратилось». Но пока превращеніе не произошло, оно было все-таки «благомъ», а не «зломъ» *).

*) Здѣсь, слѣдовательно, причина кризиса не прямо въ положительныхъ жизнеразностяхъ, а въ измѣнившемся мало-помалу, на ихъ почвѣ, строеніи системы, которая, наконецъ, оказывается дисгармоничной. Это „явленіе вполне одного типа съ общими кризисами капиталистическаго производства. Ростъ производительныхъ силъ есть фактъ, вообще, благопріятный для жизнесохранимости общества, какъ и возрастаніе энергіи центральнаго нервнаго аппарата—для его жизнесохранимости. Но, совершаясь не гармонически... ростъ производительныхъ

Такимъ образомъ мы должны строго различать жизнеразность положительную, которая имѣетъ непосредственно-прогрессивное значеніе для жизни, и «отрицательную», значеніе которой непосредственно-регрессивно. — *Косвенное*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *конечное* значеніе той или другой можетъ быть и иное: повышеніе энергіи системы можетъ вести за собою нарушеніе стройности ея функций, а пониженіе энергіи—возстановленіе этой стройности; но тогда это и выражается въ случаяхъ перваго рода—послѣдующимъ пониженіемъ энергіи системы, въ случаяхъ втораго рода — наоборотъ. Но и въ такихъ *колебаніяхъ* приспособленности непосредственное жизненное значеніе жизнеразностей остается все то же, положительное или отрицательное, соотвѣтственно ихъ знаку—плюсъ или минусъ.

II.

Вопросъ о жизнеразностяхъ положительныхъ и отрицательныхъ въ настоящій моментъ интересуетъ насъ лишь постольку, поскольку возможно установить опредѣленную и необходимую ихъ связь съ «непосредственными переживаніями». При этомъ, само собой разумѣется, дѣло можетъ пока идти только о самыхъ общихъ выраженіяхъ зависимости.

Всѣмъ безъ исключенія переживаніямъ свойственно то, что психо-фізіологи называютъ обыкновенно «чувственнымъ тономъ», и что Авенаріусъ обозначаетъ терминомъ «аффекціональ» — окраска удовольствія и страданія *). Окраска эта имѣ-

силъ можетъ вызвать такое измѣненіе во внутреннихъ отношеніяхъ системы, которое является причиной послѣдующихъ громадныхъ растратъ общественно-трудоу энергіи, растратъ совершенно непроизводительныхъ. Такъ же обстоитъ иногда дѣло съ накопленіемъ энергіи въ отдѣльной нервной системѣ. („Познаніе съ исторической точки зрѣнія“, стр. 20—22, примѣч).

*) Такъ назыв. „безразличный чувственный тонъ“ есть, очевидно, лишь предѣльная величина, гдѣ удовольствіе, умень-

еть явно количественный характеръ: удовольствіе, страданіе, находимыя въ данномъ переживаніи, могутъ быть «больше» или «меньше», различіе же между «удовольствіемъ» и «страданіемъ» есть различіе алгебраическаго знака: какъ величины положительная и отрицательная, удовольствіе и страданіе, соединяясь въ полѣ психическаго опыта, взаимно уменьшаютъ или уничтожаютъ другъ друга.

Различается немало «качественныхъ» оттѣнковъ удовольствія и страданія, но это не мѣшаетъ тому, что какъ величины всѣ «удовольствія» и всѣ «страданія» взаимно сравнимы, соизмѣримы *), хотя, разумѣется, такое сравненіе тѣмъ труднѣе для наблюдателя, чѣмъ различнѣе «качественные» оттѣнки. Наша же задача заключается, къ счастью, не въ такихъ сравненіяхъ, а въ выясненіи самой общей зависимости между алгеброй аффекціонала и алгеброй жизнеразностей.

Вопросъ о біологическомъ значеніи чувственнаго тона не можетъ вызывать особенныхъ сомнѣній: такъ какъ удоволь-

шаясь, переходитъ въ начинающееся страданіе, или обратно („Indifferenzpunkt“ Вундта).

*) Позволяю себѣ привести поясненіе изъ одной прежней моей работы:

„Не всѣ соглашаются съ этимъ: опираясь на свидѣтельство своего непосредственнаго сознанія, нѣкоторые находятъ, что существуютъ и несравнимые по своей разнородности типы явленій „чувства“; такъ, несравнимыми признаются удовольствія возвышенныя и низменныя, то, напр., которое вытекаетъ изъ благороднаго поступка, и то, которое получается отъ стакана водки. Однако опытъ показываетъ, что и для такихъ разнородныхъ формъ „чувства“ количественное сравненіе возможно, такъ какъ, напр., по отношенію къ приведенному случаю многіе способны задать себѣ и разрѣшить въ ту или другую сторону вопросъ, какое удовольствіе больше“. („Основн. элементы историч. взгляда на природу“, Спб. 1899, стр. 220).

Можно, конечно, не одобрять такихъ „соизмѣреній“ разнородныхъ формъ чувства, особенно если это дѣлается съ практической точки зрѣнія (30 сребренниковъ или жизнь учителя); но они несомнѣнный фактъ, съ которымъ должна считаться теорія.

стве есть то, къ чему организм стремится, а страданіе—то, чего онъ избѣгаетъ, то съ эволюціонной точки зрѣнія удовольствіе должно означать нѣкоторое повышеніе жизни, а страданіе—ея пониженіе; если бы дѣло обстояло иначе, то организмъ имѣлъ бы фальшиваго руководителя въ своихъ стремленіяхъ, и неминуемо скоро, погибалъ бы. Конечно, и въ дѣйствительности этотъ руководитель не идеально надеженъ—удовольствія бываютъ иногда вредны по результатамъ, страданія полезны; но въ общемъ совпаденіе пріятнаго съ жизненно-полезнымъ и непріятнаго съ жизненно-вреднымъ достигается, безспорно, въ достаточной мѣрѣ.

Представляя изъ себя *непосредственную* характеристику переживаній, удовольствіе и страданіе означаютъ, очевидно, непосредственно-полезное и вредное для системы, именно для центральнаго нервнаго аппарата, *непосредственное* повышеніе или пониженіе его жизни. Именно такое же непосредственное значеніе имѣютъ въ фізіологической жизни положительныя и отрицательныя жизнеразности; поэтому какъ нельзя болѣе естественно принять, что положительный чувственный тонъ, удовольствіе соотвѣтствуетъ положительной жизнеразности — повышенію энергіи системы, а отрицательный чувственный тонъ, страданіе—отрицательной жизнеразности,—пониженію энергіи. И этотъ выводъ можетъ быть подтвержденъ массою фактовъ.

Резюмируя эти факты въ сжатой формулѣ, можно сказать: изъ собственнаго опыта всякому извѣстно, что страданіе истощаетъ нервную систему, понижаетъ энергію ея жизнедѣтельности, тогда какъ удовольствіе увеличиваетъ силы, повышаетъ энергію жизнедѣтельности. Что же касается тѣхъ, несравненно менѣе многочисленныхъ случаевъ, когда наблюдается, повидимому, противоположное отношеніе, то они вполне объясняются тѣмъ, что *последующіе результаты* нѣкоторыхъ жизнеразностей не соотвѣтствуютъ ихъ *непосредственному, прямому* значенію: въ зависимости отъ опредѣленной суммы условій, данное повышеніе энергіи можетъ повести къ гораздо большому затѣмъ пониженію, и наоборотъ. Но непосред-

ственный смысл всякаго аффеціонала отъ этого не измѣняется *).

Такъ какъ наше представленіе объ аффеціоналѣ вытекаетъ изъ принятаго нами взгляда на жизнеразности, то вполне естественно, что *иное* пониманіе жизнеразностей должно вести и къ иной точкѣ зрѣнія на аффеціоналъ. Для Авенариуса всякая жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность; поэтому у него удовольствіе означаетъ уменьшеніе или прекращеніе какой бы то ни было жизнеразности, а страданіе—возникновеніе жизнеразности или ея возрастаніе. Это совершенно логичный выводъ изъ невѣрной посылки, и какъ таковой, онъ не можетъ не стоять въ противорѣчій съ дѣйствительностью.

Нѣкоторую біологическую несообразность этого вывода легко замѣтить уже съ перваго взгляда. Если въ системѣ устанавливается опредѣленная жизнеразность—положимъ, отрицательная, которая долгое время держится на одной высотѣ, или очень мало колеблется въ ту и другую сторону, то аффеціоналъ долженъ отсутствовать. Между тѣмъ, ясно, что система при этомъ идетъ къ разрушенію, и если жизнеразность велика, то очень быстро. Аффеціоналъ не даетъ организму

*) Не всѣ переживанія, а только ихъ меньшая часть попадаетъ въ поле психическаго опыта, въ сферу самонаблюденія. Поэтому весьма нерѣдко фактическое повышеніе энергіи нервной системы совершается безъ замѣтныхъ чувствованій удовольствія, фактическое пониженіе—безъ замѣтныхъ чувствованій страданія. Такой именно смыслъ имѣютъ тѣ случаи, когда человѣкъ послѣ долгаго ряда наслажденій, самъ того не замѣчая, переходитъ къ состоянію глубокой разслабленности, или когда онъ изъ цѣлой массы безпросвѣтныхъ, казалось бы, страданій выходитъ болѣе сильнымъ и энергичнымъ, чѣмъ былъ раньше. Въ глубинѣ стихійно-органическихъ явленій, въ области неопредѣленныхъ изолированныхъ переживаній совершаются самые важные процессы накопленія и растраты жизни, которымъ психическій опытъ подводитъ затѣмъ и тоги, прибавляя свои собственныя слагаемыя. Въ этомъ ярко выражается принципиальная однородность „сознанія“ и „безсознательнаго“.

никакихъ указаній; между тѣмъ именно отъ него зависитъ направленіе дальнѣйшихъ жизненныхъ проявленій системы, онъ—стимуль ея борьбы противъ неблагоприятныхъ условій. Ясно, что онъ оказывается біологически-несостоятеленъ—результатъ, во всякомъ случаѣ, довольно мало вѣроятный.

Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда окраска удовольствія соединяется съ несомнѣннымъ нарушеніемъ, имѣвшагося на-лицо относительнаго равновѣсія системы: это всѣ «пріятныя неожиданности». Человѣкъ находится въ спокойномъ, безразличномъ настроеніи; и вдругъ почта приноситъ ему извѣстіе, котораго онъ вовсе не ожидалъ, но которое кажется ему очень хорошимъ; или вдругъ случайная комбинація мелкихъ обстоятельствъ наталкиваетъ его на открытіе, къ которому онъ вовсе не стремился, но которое кажется ему цѣннымъ. Какія при этомъ устраняются жизнеразности? Совершенно наоборотъ, онѣ возникаютъ, но это — положительныя жизнеразности. Да и вообще картина фізіологическихъ проявленій радости, по сравненію со спокойнымъ состояніемъ организма, всего меньше говоритъ объ устраненіи жизнеразностей, о приближеніи къ идеальному равновѣсію. Распиреніе мелкихъ и мельчайшихъ сосудовъ мозга — основной симптомъ пріятныхъ эмоцій, съ очевидностью говоритъ объ увеличеніи ассимиляціи въ центральномъ аппаратѣ; и только какъ производное явленіе выступаетъ затѣмъ возрастаніе также и затратъ энергіи, въ видѣ повышенія произвольной иннерваціи (движенія, выражающія радость).

Со стороны внѣшнихъ проявленій эмоцію радости очень напоминаетъ состояніе маниакальной экзальтаціи. Самъ Авенаріусъ, какъ мы видѣли, указываетъ на эту болѣзнь, какъ на примѣръ, отрицательнаго значенія той жизнеразности, которая заключается въ перевѣсѣ «питанія». Странно, какъ Авенаріусъ не замѣтилъ, что этотъ примѣръ прямо подрываетъ принятую имъ теорію аффекціонала. Вѣдь самочувствіе больного, особенно въ началѣ болѣзни, когда еще только возникаетъ гиперемія мозга, а съ ней и положительная жизне-

разность, бывает *приятное*. По Авенариусу, оно должно было бы оказаться неприятнымъ.

Особенно трудно понять, съ точки зрѣнія разбираемой теоріи, дѣйствіе наркотическихъ ядовъ на психическую систему. Начальныя стадіи этого дѣйствія характеризуются приятнымъ возбужденіемъ. Значитъ ли это, что, напр., морфій или алкоголь, отравляя нервную систему, приближаетъ ее къ идеальному равновѣсію ассимиляціи съ дезассимиляціей? Но для этого надо принять, что такіе яды имѣютъ два противоположныхъ физиологическихъ дѣйствія: относительное увеличеніе ассимиляціи при перевѣсѣ дезассимиляціи, и ея уменьшеніе, когда она преобладаетъ надъ дезассимиляціей. Болѣе чѣмъ натянутое истолкованіе фактовъ. Гораздо вѣроятнѣе, что дѣло сводится просто къ временному повышенію энергіи системы (разумѣется, *только* временному).

Не подлежитъ сомнѣнію, что отрицательныя эмоціи въ основѣ имѣютъ отрицательную жизнеразность. Печаль, напр., въ своихъ физиологическихъ проявленіяхъ, безспорно, указываетъ на недостаточную ассимиляцію: сжатіе мелкихъ артерій и капилляровъ, съ усиленіемъ, слѣдовательно, иннервационныхъ затратъ въ вазомоторной системѣ и съ уменьшеніемъ поверхности питанія тканей составляетъ основную черту эмоціи. Отъ этого и зависитъ истощающее дѣйствіе печали на нервную систему. Предположимъ теперь, что эмоція печали выступаетъ при наличности общаго перевѣса ассимиляціи; въ такомъ случаѣ начало эмоціи, пока она только устраняетъ это неравенство, и приближаетъ систему къ равновѣсію — должно имѣть *приятную* окраску. Дѣйствительность однако не даетъ намъ такого психо-физиологическаго абсурда.

Легко видѣть, что всѣ указанныя нами трудности вовсе не существуютъ для той точки зрѣнія, которая принята нами: факты пѣликомъ укладываются въ ея рамки. Поэтому, если Авенариусъ и считалъ свои воззрѣнія на жизненное значеніе жизнеразностей, а стало быть и на природу аффекціонала, «wissenschaftliches Gemeingut» — обще-научнымъ достоя-

ніемъ, то онъ въ этомъ ошибался; правильнѣе было бы характеризовать данное воззрѣніе, какъ весьма распространенный между фізіологами предразсудокъ, какихъ всегда немало держится въ наукѣ *). Устраняя этотъ предразсудокъ, надо принять ту точку зрѣнія, которая является наиболѣе простой и естественной, ту, которая ясно формулирована уже Спинозой въ его «Этикѣ» (конечно, въ терминахъ «силы», а не энергіи), и которая можетъ быть въ значительной мѣрѣ связана съ воззрѣніями Мейнерта. Эту точку зрѣнія сжато можно выразить такъ:

аффекціональный знакъ переживаній совпадаетъ съ алгебраическимъ знакомъ жизнеразности.

III.

Переживанія — это величины въ полномъ смыслѣ слова. Они обладаютъ не только «знакомъ» (аффекціональнымъ — положительнымъ или отрицательнымъ), но и тѣмъ, что соответствуетъ алгебраическому понятію абсолютной величины; — именно, *интенсивностью*. Правда, точное измѣреніе ихъ интенсивности представляетъ большія затрудненія, — но это не измѣняетъ принципіальнаго значенія ихъ измѣримости. Жизнеразности — также величины, онѣ измѣримы *энергетически*. Принимая постоянную связь переживаній съ жизнеразностями, мы приходимъ, слѣдовательно, къ задачѣ выяснить связь

*) Наибольшая часть матеріала, сгруппированнаго въ „Критикѣ чистаго опыта“, относится къ отрицательнымъ жизнеразностямъ, которыя имѣютъ именно такое біологическое значеніе, какое Авенаріусъ приписываетъ жизнеразностямъ вообще. Поэтому понятно, что противорѣчій въ его описаніяхъ оказывается далеко не такъ много, какъ можно было бы предположить въ виду ошибочности исходной точки изслѣдованія.

Замѣчу, что взглядовъ Авенаріуса на вопросъ о чувственномъ тонѣ переживаній я здѣсь касался отнюдь не во всей ихъ полнотѣ, а только съ одной стороны, которая наиболѣе важна для моей задачи.

двухъ рядовъ величинъ—ряда интенсивностей для переживаний, ряда энергетическихъ значеній для жизнеразностей. Опытъ, благодаря отсутствію точныхъ способовъ измѣренія, даетъ лишь приблизительныя и очень неопредѣленныя зависимости; переходя къ болѣе точнымъ формулировкамъ, надо заранѣе имѣть въ виду ихъ неизбѣжно-гипотетическій характеръ, конечно, съ болѣею или меньшею степенью вѣроятности и обоснованности.

Изъ данныхъ психо-физиологіи несомнѣнно слѣдуетъ, что интенсивности переживаній, вообще говоря, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе величины жизнеразностей, и наоборотъ, но этимъ еще не дана точная формула ихъ связи: остается неизвѣстнымъ, возрастаютъ ли однѣ величины пропорціонально другимъ, или однѣ медленнѣе, чѣмъ другія, или въ какомъ-нибудь измѣняющемся отношеніи, словомъ, по какому именно закону происходитъ возрастаніе однѣхъ съ возрастаніемъ другихъ. Первое и самое естественное предположеніе, это мысль о *пропорціональности* переживаній и жизнеразностей: такъ какъ между тѣми и другими мы не можемъ представить себѣ никакихъ посредствующихъ звеньевъ, то сама собою навязывается идея о наиболѣе непосредственной и прямой связи, о взаимно пропорціональномъ измѣненіи тѣхъ и другихъ величинъ.

Но принять такую точку зрѣнія, можно только въ томъ случаѣ, если въ нашемъ опытѣ не оказывается фактовъ, которые прямо бы ей противорѣчили. Между тѣмъ психофизика, *повидимому*, даетъ такіе факты; въ этомъ смыслѣ легко, повидимому, истолковать законъ Веберъ-Фехнера.

Психофизическій законъ Веберъ-Фехнера говоритъ, что *ощущеніе растетъ пропорціонально логариуму раздраженія*, другими словами, что внѣшнее воздѣйствіе на периферическіе аппараты нервной системы обуславливаетъ въ психическомъ опытѣ переживаніе *не пропорціональное* самому этому воздѣйствію, а пропорціональное только его логариуму (при нѣкоторомъ опредѣленномъ основаніи). Въ болѣе простой формѣ эта

зависимость выражается такъ: когда раздраженіе увеличивается въ геометрической прогрессіи, ощущеніе растеть въ арифметической; напр., если одинъ рядъ (раздраженія) представляетъ величины 1, 2, 4, 8, 16, 32 , то другой (ощущенія) выразится въ соотвѣтственныхъ величинахъ 0, 1, 2, 3, 4, 5 Таково приблизительное выраженіе этого закона, имѣющаго также очень приблизительный характеръ,

Законъ Веберъ-Фехнера легко наводитъ на дуалистическія представленія объ опытѣ и познаніи; онъ какъ будто указываетъ на то, что въ психическомъ опытѣ законмѣрность *принципіально* иная, чѣмъ въ опытѣ объективномъ, «физическомъ»: геометрическія отношенія одной области соотвѣтствуютъ арифметическимъ отношеніямъ другой. Но такія заключенія, въ сущности, очень поспѣшны и поверхностны.

Раздраженіе не находится въ *ближайшей* связи съ ощущеніемъ; въ такой связи съ ощущеніемъ находится *жизнеразность*, вызываемая передачей раздраженія при посредствѣ нервныхъ проводниковъ центральному аппарату. А есть ли достаточныя основанія думать, что жизнеразность пропорціональна порождающему ее раздраженію? Основанія для такой мысли, по меньшей мѣрѣ, шатки.

Передача внѣшнихъ воздѣйствій въ живомъ организмѣ отнюдь не имѣетъ грубо-механическаго характера; это крайне сложный рядъ физико-химическихъ процессовъ, въ результатѣ которыхъ могутъ получаться измѣненія центрального органа, ни качественно, ни количественно не стоящія въ *прямомъ* и *простомъ* соотношеніи съ измѣненіями периферическихъ аппаратовъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія біологической борьбы, для жизненной устойчивости системы выгодно, чтобы болѣе сильныя воздѣйствія среды передавались въ болѣе ослабленномъ видѣ—иначе они черезчуръ жестоко потрясали бы систему, и слишкомъ быстро ее разрушали бы; для организма, слѣдовательно, является жизненно цѣлесообразнымъ такое устройство, при которомъ жизнеразности возрастаютъ

медленнѣе, чѣмъ ихъ внѣшніе стимулы, напр., хотя бы въ логарифмическомъ отношеніи.

Съ другой стороны, логарифмическая функція чрезвычайно распространена въ сферѣ *физическихъ* и *химическихъ* процессовъ. Она выступаетъ на сцену во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда явленіе происходитъ такъ, что скорость измѣненія выражающей его величины пропорціональна этой самой величинѣ; такова, напр., та формула, которая примѣнима при «физическихъ» и «химическихъ» реакціяхъ растворенія, гдѣ скорость реакціи уменьшается съ уменьшеніемъ количества того вещества, которое еще можетъ быть растворено; или при охлажденіи тѣла въ средѣ съ постоянной температурой, гдѣ скорость охлажденія уменьшается по мѣрѣ уменьшенія разности температуръ тѣла и его среды и т. под. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ промежутокъ времени между двумя определенными фазами процесса оказывается пропорціоналенъ логарифму величины, выражающей геометрическое отношеніе этихъ фазъ *). И въ занимающемъ насъ вопросѣ важно выяснить, нѣтъ ли какихъ-нибудь указаній на то, что логарифмическое отношеніе выражаетъ зависимость между различными физиологическими процессами, а не прямо между физиологическими и психическими.

Нетрудно убѣдиться, что для такой мысли есть серьезныя основанія. Прежде всего, присмотримся къ той суммѣ экспериментальныхъ данныхъ, которая резюмируется въ законѣ Веберъ-Фехнера.

Опыты изслѣдователей были поставлены такъ. На определенной чувствительную поверхность—прилагалось определенной величины раздраженіе, напр., данный ограниченный участокъ кожи подвергался давленію пластинки, нагруженной гирями данного вѣса. При этомъ лицо, надъ которымъ произво-

*) См. напр., Nernst und Schönflies „Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften“, главы объ „Exponentialfunction“, объ „Verlauf der unvollständigen Reactionen“, и т. д.

дится опытъ, получаетъ, конечно, нѣкоторое опредѣленное ощущение. Затѣмъ увеличиваютъ силу раздраженія, въ нашемъ примѣрѣ величину груза, до такихъ размѣровъ, чтобы пере-мѣна въ величинѣ дѣйствующей силы, именно, вѣшняго давленія, была только едва ощутима, но уже ощутима для субъекта опытовъ. Такихъ экспериментовъ выполняютъ очень большое количество, съ различной величины раздраженіями, по отношенію къ различнымъ органамъ вѣшнихъ чувствъ. При раздраженіяхъ болѣе или менѣе обычныхъ — средней силы, всюду оказывается, что минимальная доступная сознанию разница въ ощущеніи получается тогда, когда раздраженіе увеличивается на опредѣленную часть своей величины, для каждаго даннаго органа приблизительно одинаковую. Напр., для осязанія, чувства температуры, а также слуха минимальная замѣтная разница ощущенія получается тогда, когда раздраженіе увеличено на $\frac{1}{3}$, для мускульнаго чувства — на $\frac{1}{17}$, для зрѣнія — на $\frac{1}{100}$ (все это приблизительно, такъ какъ опыты, очевидно, не могутъ быть особенно точны). Если считать тотъ *minimum* ощущенія, который уже отмѣчается сознаниѣмъ, за *единицу* ощущенія, и алгебраически выразить найденную связь ряда раздраженій и ряда ощущеній, то получится именно законъ Веберъ-Фехнера.

Такъ обстоитъ дѣло, какъ мы сказали, для болѣе или менѣе обычныхъ раздраженій — средней силы. Для самыхъ слабыхъ и самыхъ сильныхъ раздраженій формула закона оказывается совершенно неточною: знаменатель прогрессіи съ каждымъ шагомъ мѣняется, именно увеличивается въ ту и въ другую сторону, такъ что для полученія минимальной разницы въ ощущеніи раздраженіе должно возрасти сильнѣе, чѣмъ по формулѣ. Наконецъ, ниже извѣстной границы раздраженіе уже совсѣмъ не вызываетъ ощущенія; выше другой границы, ощущение, достигшее *maximum*, перестаетъ возрастать замѣтно для сознанія.

Вся эта картина всего меньше способна внушить мысль о различныхъ типахъ закономерности для физическаго и пси-

хического міра, потому что никакое опредѣленное соотношеніе въ ней не выдерживается съ достаточной полнотой и строгостью. Скорѣе она наводитъ на представленіе о томъ, что центральный аппаратъ обладаетъ лишь ограниченной чувствительностью къ передаваемымъ нервами раздраженіямъ: для самыхъ слабыхъ раздраженій онъ слишкомъ грубъ, чтобы на нихъ реагировать, для самыхъ сильныхъ обладаетъ только одной предѣльной реакціей, очевидно, исчерпывающей запасъ его специфической энергіи даннаго рода, для остальныхъ же въ немъ имѣются достаточныя внутреннія сопротивленія, чтобы задерживать или разсѣивать энергію раздраженія тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ значительнѣе величина этой энергіи. Тогда исчезаетъ и всякая необходимость принимать непрямую и неуклюже колеблющуюся связь между «психикой» и «физиологіей».

Съ точки зрѣнія современной физиологіи и гистологіи нервного аппарата можно дать такую, чисто энергетическую, картину зависимости между внѣшними раздраженіями и жизнеразностями центрального органа, въ которой найдетъ себѣ мѣсто не только законъ Веберъ-Фехнера, но и всѣ отклоненія отъ него, главныя и второстепенныя. Заранѣе оговариваемся, что въ рамкахъ статьи, ради простоты и ясности, намъ придется сильно схематизировать сложныя гистологическія и физиологическія отношенія; но свѣдущій читатель легко пополнитъ недостающее.

Какъ извѣстно, энергія внѣшняго раздраженія, преобразованная въ концевомъ аппаратѣ нерва въ недостаточно еще изученную, но чуждую всякаго мистицизма, «телеграфную» форму нервнаго тока, достигаетъ прежде всего нейроновъ, расположенныхъ въ такъ-называемыхъ «низшихъ» центрахъ—гангліозныхъ, спинно-мозговыхъ, субкортикальных. Эти нейроны связаны, во-1-хъ, со смежными нейронами при посредствѣ соприкасающихся вѣточекъ своихъ дендритовъ (развѣтвленныхъ протоплазматическихъ отростковъ), во-2-хъ, съ нейронами высшихъ, кортикальныхъ центровъ при помощи опять-

таки «телеграфныхъ» волоконъ проэкціонныхъ системъ (Meynert'a), при чемъ связь эта въ иныхъ случаяхъ прямая, въ иныхъ—косвенная, при посредствѣ еще другихъ центровъ. Сами же нейроны въ своей основной части—нервной клѣткѣ представляютъ, по современнымъ воззрѣніямъ, своеобразные аккумуляторы накопленной нервной энергіи, которую извнѣ притекающая по проводникамъ энергія можетъ разряжать, освобождать, какъ искра разряжаетъ химическую энергію пороха. Теперь сдѣлаемъ одно минимальное и уже а priori наиболѣе вѣроятное предположеніе,—примемъ, что жизнеразность въ клѣткѣ высшихъ центровъ («центровъ сознанія») вызывается именно передачей разряженной собственной энергіи клѣтки спинно-мозговой или субкортикальной, а къ передачѣ энергіи разряжающей, энергіи внѣшняго раздраженія проэкціонные проводники между низшими и высшими центрами не приспособлены, такъ что эта послѣдняя передается только смежнымъ нейронамъ,—и у насъ будетъ почти все, что требуется для объясненія таинственнаго закона.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы не знаемъ той специфической формы, въ которой передается энергія внѣшняго раздраженія отъ нейрона къ нейрону по смежности, но несомѣнно, что это — энергія кинетическаго характера, и что въ проводникахъ—дендритахъ должно происходить ея разсѣяніе и поглощеніе, вообще—ея растрата. Законъ разсѣянія и поглощенія естественно принять такой, который существуетъ для наиболѣе типичныхъ формъ кинетической энергіи: потеря пропорціональна времени и относительному напряженію энергіи: такъ обстоитъ дѣло, напр., для теплоты при ея разсѣяніи (при не слишкомъ большой разницѣ температуръ тѣла и его среды), для свѣта при его поглощеніи не вполне прозрачною средою, и т. п. *).

*) Принципъ энтропіи, а также общій характеръ физиологическихъ процессовъ позволяютъ думать, что разсѣяніе энергіи въ нервныхъ проводникахъ происходитъ исключительно или главнымъ образомъ въ видѣ теплоты.

жденіемъ нейроновъ приблизительно соответствуетъ логарифму силы раздраженія. Это легко видѣть на произвольно выбранныхъ числовыхъ примѣрахъ.

Чтобы вызвать разряженіе собственной потенціальной энергіи нейрона, необходима нѣкоторая сумма переданной съ периферіи энергіи, которая соответствуетъ опредѣленной величины раздраженію; примемъ величину этого раздраженія за 1. Затѣмъ, пусть при передачѣ по каждому дендриту теряется $\frac{1}{2}$ передаваемой энергіи. Тогда для возбужденія одного нейрона съ периферіи достаточно раздраженія 1, но для возбужденія двухъ требуется уже раздраженіе не 2, а 3: на разряженіе перваго нейрона потрачено 1 единица энергіи, а изъ оставшихся 2 единицъ до втораго смежнаго нейрона дойдетъ только 1 единица (остальная растратится по пути); и эта дошедшая единица энергіи вызоветъ возбужденіе втораго нейрона, но до третьаго смежнаго нейрона уже ничего или почти ничего не дойдетъ. Для возбужденія трехъ нейроновъ нужно раздраженіе 7 (въ первомъ на освобожденіе его потенціальной энергіи тратится 1, до втораго изъ оставшихся 6 доходитъ 3, изъ нихъ опять на разряженіе нейрона тратится 1, третьаго нейрона изъ оставшихся 2 достигаетъ 1, и дальше дѣло не идетъ). Четыре нейрона могутъ быть затронуты лишь при раздраженіи 15, пять при раздраженіи 31, и т. д. Получаются два ряда:

Энергія раздраженія . . . 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127, 255...

Число затронутыхъ по смежности нейроновъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8...

Какъ видимъ, связь обоихъ рядовъ лишь минимально отличается отъ той, какая соответствуетъ «логарифмическому» отношенію ряда 2, 4, 8, 16, 32... и ряда 1, 2, 3, 4, 5... Каждый изъ низшихъ нейроновъ, передавая по проеакціонному волокну свою освобождающуюся энергію кортикальному нейрону, вызываетъ въ высшихъ центрахъ особую жизнеразность, съ особымъ начальнымъ пунктомъ—этимъ самымъ кортикальнымъ нейрономъ. Тогда оказывается, что каждой такой

частной жизнеразности соотвѣтствуетъ минимальное ощущение: обнаруживается прямой и полный параллелизмъ жизнеразностей и переживаній. Загадочный характеръ психо-физическаго закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дуалистическое его истолкованіе исчезаетъ.

Въ нашемъ примѣрѣ взять совершенно произвольный коэффициентъ потери энергіи при ея передачѣ между смежными нейронами. Но легко вычислить и дѣйствительную его величину, разъ изъ опыта извѣстенъ знаменатель прогрессіи раздраженій — число, показывающее во сколько разъ надо увеличить данное раздраженіе, чтобы получить замѣтную разницу въ ощущеніи. Этотъ знаменатель, какъ мы упоминали, для различныхъ «внѣшнихъ чувствъ» различенъ — для осязанія, чувства температуры и для слуха около $1\frac{1}{3}$, для мускульнаго чувства (иннервация глазныхъ мускуловъ) около $1\frac{1}{17}$, для свѣтовыхъ ощущеній около $1\frac{1}{100}$. Коэффициентъ потери при каждой передачѣ окажется тогда для первой группы ощущеній $\frac{1}{4}$, для второй $\frac{1}{18}$, для третьей около $\frac{1}{100}$ — $\frac{1}{101}$. Такое разнообразіе коэффициентовъ должно, повидимому, зависѣть отъ различнаго строенія отдѣльныхъ психическихъ центровъ, ихъ нейроновъ и проводниковъ *).

Если теперь, принимая по-прежнему минимальное ощущеніе за 1, мы составимъ параллельные ряды величины раздраженія и ощущенія, то для осязанія, напр., получится:

А. Сила раздраженія 1—2,33—4,11—6,48—9,64—13,85—19,45—26,9—36, 8—50...

В. Число захваченныхъ низшихъ нейроновъ 1—2—3—4—5—6—7—8—9—10...

*) Очень возможно, что это различіе въ строеніи и расположеніи нейроновъ не будетъ слишкомъ тонкимъ для методовъ современной гистологіи. Тогда изложенная нами точка зрѣнія могла бы послужить исходной точкой изслѣдованія, его „рабочей гипотезой“.

(Въ цифрахъ перваго ряда мелкія дроби откинута для краткости).

Теперь посмотримъ, насколько отношенія этихъ рядовъ соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ «раздраженій» и «ощущеній».

Соотвѣтствіе нарушается, во-1), для самыхъ верхнихъ частей ряда—для самыхъ сильныхъ раздраженій. Тамъ ощущение растетъ медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по формулѣ ряда, и за извѣстнымъ предѣломъ совсѣмъ перестаетъ замѣтно возрастать. Но это расхожденіе чистой формулы съ опытомъ можно было бы предвидѣть уже а priori на основаніи нашихъ предпосылокъ. Отдѣльные нервные центры обладаютъ ограниченными размѣрами, и число нейроновъ, которые доступны данному виду раздраженія, не безпредѣльно; а кромѣ того нѣкоторые нейроны лежатъ въ сторонѣ отъ обычныхъ путей раздраженія, и оно достигаетъ ихъ съ болѣе, чѣмъ для другихъ, сопротивленіемъ. При максимальныхъ раздраженіяхъ сначала, вслѣдъ за другими, вводятся въ общую цѣль реакціи эти труднѣе реагирующие нейроны — тогда реакція возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ для среднихъ раздраженій. Но затѣмъ, если раздраженіе возрастаетъ еще болѣе, въ специальномъ центрѣ не хватаетъ свободныхъ нейроновъ—и ощущение замѣтно не измѣняется.

Средніе члены ряда въ опытѣ также представляютъ отклоненія отъ формулы, но незначительныя и неопредѣленныя — то въ ту, то въ другую сторону. Они, естественно, объясняются во-1), нетождественнымъ строеніемъ отдѣльныхъ нейроновъ — различіемъ въ длинѣ и проводимости путей между ними, во-2), просто погрѣшностями эксперимента, который въ данной области еще не отличается большою точностью.

Наконецъ, нижніе члены ряда: первые два, а можетъ быть и три, надо признать довольно сильно уклоняющимся отъ данныхъ опыта. Въ ряду вычисленныхъ раздраженій первое, минимальное, надо увеличить болѣе чѣмъ вдвое, чтобы получить замѣтную разницу ощущенія; въ дѣйствительности же для

этого достаточно увеличить раза въ $1\frac{1}{2}$ или немного болѣе. Какъ объяснить это? — Вопросъ представляется очень простымъ, если принять, что концевые воспринимающіе аппараты нервныхъ волоконъ, какъ для нѣкоторыхъ случаевъ установлено съ полной несомнѣнностью, обладаютъ нѣкоторымъ постояннымъ напряженіемъ энергіи, которое можетъ противодѣйствовать внѣшнему раздраженію. Такъ, напр., по отношенію къ сѣтчаткѣ глаза вполне выяснено, что она обладаетъ слабымъ «собственнымъ свѣтомъ». Извѣстная часть энергіи раздраженія можетъ тратиться на то, чтобы нейтрализовать напряжение концевой аппаратуры. Величину этой излишней затрачиваемой энергіи надо прибавить ко всѣмъ членамъ нашего перваго ряда, чтобы получить дѣйствительную энергію раздраженія для минимальнаго возрастанія ощущеній. Пусть эта периферическая потеря энергіи равна 1. Тогда отношеніе рядовъ представится въ такомъ видѣ:

A. 2—3, 33—5, 11—7, 48—10, 65...

B. 1—2—3—4—5...

и это уже вполне достаточно согласуется съ данными опыта *).

Хотя, какъ было указано, въ интересахъ изложенія намъ пришлось сильно схематизировать физиологическія и гистологическія отношенія нервной системы, но знакомый съ дѣломъ читатель, сдѣлавши всѣ надлежащія дополненія, легко увидитъ, что они нисколько не измѣняютъ вывода. А сущность этого вывода такова: исходя изъ данныхъ психо-физики съ наибольшими основаніями можно принять, что *ощущенія пропорціональны тѣмъ жизнеразностямъ, съ которыми непосредственно связаны.*

*) Такое же полное согласованіе формулы съ опытомъ получится и въ томъ случаѣ, если концевой аппаратъ чувствительнаго нерва принимать за измѣненный нейронъ, только не имѣющій самостоятельной связи съ высшими центрами. Периферическая чувствующая клѣтка съ ея нейритомъ безъ всякой натяжки можетъ быть признана за такой нейронъ.

Разъ это принято, исчезаютъ всякія основанія для того, чтобы принимать сложную дуалистическую связь вообще между жизнеразностями и соответственными переживаніями: между тѣми и другими надо признать, въ предѣлахъ количественной оцѣнки, *самую простую зависимость прямой пропорціональности* *).

С. Монистическая концепція жизни.

I.

Сдѣланные нами выводы о количественной связи жизнеразностей и переживаній представляются намъ очень важными для психо-энергетики, но важными именно въ томъ смыслѣ, что указываютъ, *какъ понимать* психо-энергетику и *какъ пользоваться* ею въ изслѣдованіи, а не въ томъ смыслѣ, что доказываютъ ея законность, ея «истинность». *Принять* психо-энергетику, признать правильность примѣненія энергетического метода къ «психическимъ явленіямъ» можно и слѣдуетъ совершенно независимо отъ этихъ нашихъ выводовъ, — даже если считать ихъ необоснованными и невѣрными. Для принципиальнаго принятія психо-энергетики достаточно одного — признанія *постоянной связи* между физиологическими процессами и переживаніями, какой угодно связи, лишь бы она была вполне опредѣленною и для cadaго даннаго случая имѣла одно значеніе. Въ статьѣ «Идеаль познанія» мы показали, что если только такая зависимость имѣется, то съ энергетической точки

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изложенныя здѣсь психо-физическія построенія, касающіяся закона Веберъ-Фехнера, были уже высказаны мною, но въ популярной и сравнительно бѣглой формѣ («Основ. элементы историч. взгляда на природу» С.-Пб., 1899, стр. 245—249).

зрѣнія фізіологическое явленіе и связанное съ нимъ психическое представляетъ *одну и ту же* величину, одно и то же энергетическое дѣло, только различными способами воспринимаемое, подобно тому какъ человѣческое тѣло «видимое» (зрительный комплексъ) и «осязаемое» (комплексъ тактильный) энергетически одно и то же, и различается также только по способу воспріятія. Для этого вовсе не требуется никакой математической пропорціональности между комбинаціями элементовъ психического и фізіологического ряда, какъ не требуется такой пропорціональности между зрительными и тактильными комбинаціями, чтобы признавать ихъ за одно тѣло *).

Но мы не ограничиваемся общимъ признаніемъ энергетичности психического опыта, мы нашли, кромѣ того, прямую пропорціональность между жизнеразностями, по ихъ энергетической величинѣ, и переживаніями, по величинѣ ихъ интенсивности, при чемъ также и знакъ тѣхъ и другихъ оказы-

*) Поэтому, напр., В. Оствальдъ признаетъ энергетичность „сознанія“, хотя и не видитъ той количественной пропорціональности между энергетикой нервной системы и величинами переживаній, какую мы установили. Для него отношеніе этихъ двухъ областей гораздо сложнее, и нельзя сказать, чтобы онъ достаточно ясно его формулировалъ (см. его „Натурфилософію“, главу о сознаніи и т. д.).

Обычное, старое возраженіе противъ энергетичности сознанія таково: принять ее, значило бы встать въ противорѣчіе съ закономъ сохраненія энергіи; присоединяясь къ энергіи физическихъ процессовъ, энергія психическихъ измѣняла бы ея сумму, а эта сумма, согласно принципу вѣчности „механической“ энергіи, неизмѣнна (см. Альб. Ланге, Ал. Риль и др.). Возраженіе это исходитъ изъ *механическаго* пониманія энергіи, и не имѣетъ никакого значенія для пониманія *методологическаго*, которое мы принимаемъ вслѣдъ за Р. Майеромъ, Махомъ, Оствальдомъ и др. Вотъ почему мы сочли излишнимъ останавливаться на этомъ возраженіи.

вается условно одинаковъ *). Этимъ уже устанавливается опредѣленная форма для энергетики переживаній, форма очень широкая и очень общая, которая должна имѣть опредѣленное научное и философское значеніе. Въ чемъ же именно то и другое заключается?

Что касается возможнаго научнаго значенія сдѣланныхъ нами выводовъ, то оно не требуетъ особыхъ поясненій, оно таково же, какъ вообще значеніе всякой обобщающей формулы, сжато резюмирующей связь фактовъ, и такимъ путемъ непосредственно организующей опытъ. Здѣсь можетъ еще возникнуть вопросъ о томъ, пригодна ли данная формула, пока она является гипотетической, пока она не получила рѣшающей провѣрки на фактахъ, — пригодна ли она въ качествѣ исходной точки для дальнѣйшаго изслѣдованія, въ качествѣ «рабочей гипотезы», — иначе ея значеніе могло бы быть только очень эфемернымъ. Но не трудно видѣть, что наша формула, имѣя дѣло съ принципиально-измѣримыми отношеніями (энергія нервныхъ процессовъ, интенсивность переживаній) открываетъ самый широкій просторъ попыткамъ экспериментальной провѣрки и детальнаго изслѣдованія, давая для нихъ опредѣленную руководящую нить (хотя бы даже только временную).

Другого рода — вопросъ о философскомъ значеніи формулы. Оно зависитъ всецѣло отъ того, насколько формула находится въ гармоніи со всѣми остальными выводами познанія, насколько органически сливается она съ ними, какъ тождественная или однородная, — словомъ, въ какой мѣрѣ проявляется въ ней та *всеобщая монистическая тенденція*, которая составляетъ философскую душу познанія. Этотъ критерій мы и должны примѣнить къ нашимъ психо-энергетическимъ выводамъ.

*) „Условно“ — потому, что отъ насъ зависитъ считать въ анализѣ удовольствіе за положительную величину и страданіе за отрицательную, а не наоборотъ.

II.

Прежде всего, очевидно, что если существует прямая пропорциональность между жизнеразностями и непосредственными переживаниями, то невозможно представить себя ни жизнеразностей безъ соответственных переживаний, ни наоборотъ, переживаний безъ жизнеразностей: нулевая величина однихъ соответствует нулевой величинѣ другихъ, конечная величина однихъ конечной величинѣ другихъ. Это, какъ видимъ, опять тотъ же выводъ, къ которому критика психического опыта привела насъ раньше другимъ путемъ—путемъ сопоставленія переживаний и высказываний. Уже тогда для насъ выяснилось, что область переживаний, связанныхъ съ даннымъ организмомъ, нельзя безъ противорѣчій ограничивать сферою психического опыта данной особи; мы видѣли, что за предѣлами психического опыта необходимо принять множество переживаний и ихъ группировокъ, не входящихъ въ основную координатію, а потому и недоступныхъ непосредственному наблюденію, какъ недоступенъ такому же наблюденію психическій опытъ другихъ людей; мы пришли къ мысли, что непосредственныя переживанія должны существовать всюду, гдѣ есть живыя клѣтки и ихъ жизнеразности — всюду, гдѣ есть жизнь «физиологическая». Теперь мы вновь убѣждаемся, что эта идея есть неизбѣжная предпосылка гармонической, свободной отъ противорѣчій концепціи опыта.

Однако не пришли ли мы къ той философской доктринѣ, которая гласитъ, что физическое и психическое суть «двѣ параллельныя стороны одной непознаваемой въ себѣ сущности», или, въ болѣе позитивной варіаціи, «одной реальности», которая познается именно въ этихъ своихъ «двухъ сторонахъ»? Такова одна изъ формъ «монизма», еще очень распространенная въ наше время. Но мы никакъ не можемъ

остановиться на такой точкѣ зрѣнія, не можемъ хотя бы потому, что считаемъ ее вовсе не монистической, а *дуалистической*. Объединеніе двухъ «сторонъ», а съ ними двухъ методовъ познанія въ одномъ *словѣ* «реальность» вовсе не кажется намъ дѣйствительнымъ объединеніемъ; два метода познанія съ нашей точки зрѣнія могутъ означать только дуалистическое познаніе, а двѣ «параллельныя стороны» — только плохую геометрическую метафору. Рѣшенія занимающаго насъ вопроса тутъ еще нѣтъ, а есть въ лучшемъ случаѣ только его постановка; но и она не особенно удачна, такъ какъ при анализѣ опыта «сторонъ» оказывается не двѣ, а больше.

Поставимъ себѣ такой вопросъ: что есть «живое существо», напр., «человѣкъ»? и постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи съ одной стороны, данныхъ опыта, съ другой стороны, тѣхъ обобщающихъ положеній (о связи жизнеразностей съ переживаніями), къ которымъ мы до сихъ поръ пришли.

«Живое существо», напр., «человѣкъ», это, прежде всего, опредѣленный комплексъ «непосредственныхъ переживаній», частью входящихъ въ одну основную координацію — «психическій опытъ», частью, какъ мы признали, въ нее прямо не входящихъ, но находящихся въ нѣкоторой (пока еще не получившей ближайшаго опредѣленія) связи съ этой координаціей. Таковъ «человѣкъ» въ его «непосредственномъ существованіи», такъ сказать, «человѣкъ *an sich*». Но не такимъ является онъ въ опытѣ *другого*.

Для другого «живого существа» человѣкъ выступаетъ, прежде всего, какъ *воспріятіе* въ ряду другихъ воспріятій, какъ опредѣленный зрительно-тактильно-акустическій комплексъ въ ряду другихъ комплексовъ. Этотъ комплексъ возникаетъ и исчезаетъ и вновь появляется въ такой же связи, какъ другія «воспріятія»; иногда онъ воспроизводится въ нѣсколько иной связи и съ иной окраской, какъ «представленіе». Таковъ *первоначальный психическій образъ* человѣка въ опытѣ другого человѣка.

Аналогичный, но во многих частностях отличающийся комплекс представляет человек и для самого себя, поскольку онъ «воспринимаетъ» свое «тѣло» при помощи зрѣнія, слуха, осязанія и т. д., какъ «воспринимаютъ» это «тѣло» другіе люди.

Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи опыта, «человекъ» оказывается для себя и для другихъ физическимъ тѣломъ въ ряду другихъ физическихъ тѣлъ. Это тѣло связано съ остальными тѣлами и вообще со всѣмъ «физическимъ міромъ» опредѣленной объективной закономерностью; оно при опредѣленныхъ условіяхъ возникаетъ, нѣкоторое время непрерывно существуетъ, подвергается опредѣленному, объективно обусловленному, циклу измѣненій и, наконецъ, завершаетъ этотъ цикл тѣмъ, что разрушается. Это также комплекс зрительныхъ, тактильных и прочихъ элементовъ, очень сходный съ двумя предыдущими фазами, вполне «параллельный» имъ по выраженію Маха, но выступающій въ иной связи опыта: человекъ, какъ объективный физиологическій процессъ.

Наконецъ, благодаря тому, что люди взаимно «понимаютъ» другъ друга въ своихъ «высказываніяхъ», человекъ и для другихъ становится координаціей непосредственныхъ переживаній, «психическимъ процессомъ». Такое представленіе, присоединяясь къ предыдущему, составляетъ съ нимъ вмѣстѣ обычный дуалистическій образъ человека, при чемъ дѣло довершается «интроспекціей»: переживанія вкладываются въ физиологическій организмъ, и получается наиболѣе распространенное, вульгарно-синтетическое представленіе «человѣка». Человекъ является тогда себѣ и другимъ людямъ, какъ сочетаніе «тѣла» и находящейся внутри его «души», сочетаніе по меньшей мѣрѣ не особенно гармоничное.

Таковъ рядъ различныхъ понятій о «человѣкѣ», съ которыми имѣетъ дѣло познаніе. Возникаетъ задача, — оставаясь всецѣло на почвѣ опыта, свести всѣ эти понятія къ познавательному единству. Другими словами, надо свести ихъ взаимную связь къ простѣйшимъ, постояннымъ и всеобщимъ отно-

шеніямъ опыта. Такъ долженъ быть поставленъ вопросъ съ точки зрѣнія эмпириомонизма.

Исходной точкой изслѣдованія для насъ естественно принять первое изъ указанныхъ понятій—«человѣкъ», какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, или, говоря общѣе, «жизнь» въ ея непосредственномъ осуществленіи. Каждое отдѣльное переживаніе есть уже болѣе или менѣе сложная группировка элементовъ опыта, на которые оно и можетъ быть разложено; жизненный процессъ есть организованное единство цѣлаго ряда такихъ группировокъ, взаимно связанныхъ то въ болѣе, то въ менѣе прочныя и устойчивыя координаціи. Развѣтіе жизни, при такомъ ея пониманіи, представляется какъ прогрессивная организація элементовъ опыта во все болѣе широкія и стройныя единства.

Этотъ организующій процессъ на различныхъ его стадіяхъ образуетъ жизненные комплексы самыхъ различныхъ типовъ строенія, различные по количеству элементовъ и по степени гармоничности ихъ объединенія. Но для познанія, монистически организующаго опытъ, между всѣми комплексами немислимы *принципіальныя* различія, различія *по существу*, и отношенія между ними не могутъ быть принципіально иныя, чѣмъ между всякими вообще комплексами опыта. Такимъ образомъ, жизненные комплексы, комплексы переживаній взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, прямо или косвенно, — взаимно измѣняютъ другъ друга, взаимно *отражаются* одинъ въ другомъ, совершенно аналогично тому, какъ всякія комбинаціи элементовъ, съ которыми имѣетъ дѣло познаніе.

Но какъ вообще «отражаются» одни въ другихъ комплексы опыта? При всемъ разнообразіи этихъ отношеній, они существенно сходны для всей области опыта, какъ «физическаго», такъ и «психическаго»—и легко обобщаются въ одной формулѣ. Что касается міра «физическаго», то мы, напр., знаемъ, какъ «отражается» форма предметовъ въ физико-химическомъ строеніи свѣточувствительной пластинки фотографическаго аппарата, какъ «отражаются колебанія» воздушнаго давленія въ

движеніяхъ стрѣлки анероида, измѣненія естественной среды растительнаго или животнаго организма—въ измѣненіяхъ структуры его тканей и органовъ и т. д. Совершенно аналогичнымъ образомъ происходитъ дѣло и съ «психическими» комплексами. Возникшій въ психикѣ образъ съ особенно сильной аффекціоной окраской удовольствія или страданія «отражается» во всѣхъ другихъ образахъ, встрѣчающихся съ нимъ въ полѣ сознанія, налагая на нихъ свой отпечатокъ, дѣлая ихъ яркими, живыми, свѣтлыми или наоборотъ, тусклыми, блѣдными, мрачными. Новая идея, возникающая въ сознаніи, «отражается» обыкновенно во многихъ частныхъ представленіяхъ, вступающихъ въ связь съ нею. Такъ, съ того момента какъ человѣкъ усвоилъ себѣ общее представленіе о строеніи и функцияхъ живыхъ организмовъ, измѣняются шагъ за шагомъ всѣ его частныя представленія о томъ или другомъ животномъ, растеніи, которые вступали въ поле его опыта: общая біологическая идея «отражается» во всѣхъ этихъ представленіяхъ усложняя и обогащая ихъ содержаніе новыми отношеніями и элементами. Новая философская концепція, проникшая въ міровоззрѣніе человѣка, можетъ «отразиться» во всѣхъ частыхъ комбинаціяхъ, изъ которыхъ складывается это міровоззрѣніе; напр., монистическая идея существенно преобразуетъ строеніе всѣхъ образовъ сознанія, сформированныхъ раньше по дуалистическому типу, сглаживая рѣзкія границы, создавая между группировками такіе переходы и связи, которыхъ раньше не было.

Подобныхъ иллюстрацій можно было бы привести безконечное множество, но и приведенныхъ вполне достаточно, чтобы вывести общую формулировку, которая должна быть приблизительно такова:

комплексъ А, прямо или косвенно отражаясь въ комплексъ, В, воспроизводится въ немъ не въ своемъ непосредственномъ видѣ, но въ видѣ опредѣленнаго ряда измѣненій этого второго комплекса, измѣненій, связанныхъ съ содержаніемъ и строеніемъ перваго комплекса функциональной зависимостью.

Очевидно, что эта формула выражает всѣ случаи *взаимнаго вліянія* («взаимодѣйствія») комплексовъ опыта. Въ своихъ различныхъ модификаціяхъ она соответствуетъ различнымъ исторически развивавшимся формамъ пониманія «причинности» явленій *). И эта формула является также вполне достаточной, чтобы монистически выразить связь различныхъ «параллельныхъ сторонъ» жизни, или, что то же, «объяснить» ихъ параллелизмъ.

Первое понятіе «жизни», то, къ которому привела насъ критика психического опыта, какъ мы указали, сводится къ слѣдующему. Жизненный процессъ, взятый въ его непосредственномъ содержаніи («жизнь *an sich*») есть комплексъ переживаній, въ различной мѣрѣ объединяемыхъ организующей связью въ одно цѣлое. Комплексъ этотъ можетъ прямо или косвенно «отражаться» въ другихъ аналогичныхъ комплексахъ, но, согласно всеобщей формулѣ отношеній опыта, онъ «отражается» въ нихъ не какъ таковой, не въ своемъ непосредственномъ видѣ, а въ видѣ такого или иного ряда измѣненій этихъ комплексовъ, въ видѣ входящей въ нихъ новой группировки элементовъ, усложняющей ихъ «внутреннія» отношенія. Эта новая группировка и есть «воспріятіе» даннаго жизненнаго процесса въ другомъ подобномъ процессѣ, напр., воспріятіе «человѣка» (какъ организма), выступающее въ ряду переживаній другого человѣка. Это «воспріятіе», какъ всякое вообще «отраженіе», отнюдь не есть прямая копія «отражаемаго», но связано съ нимъ лишь опредѣленной, въ различныхъ случаяхъ различной, *функціональной зависимости*. И, какъ мы знаемъ, такая функціональная зависимость между переживаніями одного живого существа, и воспріятіемъ этого

*) Терминъ „отраженіе“ мы примѣняемъ здѣсь исключительно въ виду его наглядности. Пользуясь выраженіемъ болѣе точнымъ, мы должны были бы говорить о „результатахъ вліянія одного комплекса на другой“, объ ихъ функціональной зависимости отъ содержанія „вліяющаго“ комплекса; это было бы и очень отвлеченно, и очень тяжеловѣсно.

существа въ опытѣ другого имѣется въ дѣйствительности; на ней основано всякое общеніе живыхъ существъ, ихъ взаимное «пониманіе».

Здѣсь очень важно еще одно обстоятельство. Взаимодѣйствіе «живыхъ существъ» не совершается прямо и непосредственно; переживанія одного не лежатъ въ полѣ опыта другого. Одинъ жизненный процессъ «отражается» въ другомъ лишь косвенно, а именно при посредствѣ «среды». Но что такое «среда»?

Понятіе это имѣетъ смыслъ только въ противопоставленіи тому, что имѣетъ свою «среду», т.-е. въ данномъ случаѣ — жизненному процессу. Если мы разсматриваемъ жизненный процессъ, какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, то «среда» будетъ все, что не входитъ въ этотъ комплексъ. Если же это та «среда», при посредствѣ которой одни жизненные процессы «отражаются» въ другихъ, то она должна представлять изъ себя совокупность элементовъ, не входящихъ въ организованные комплексы переживаній — совокупность неорганизованныхъ элементовъ, хаосъ элементовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это то, что въ воспріятіи и въ познаніи выступаетъ для насъ, какъ «неорганическій міръ».

Тутъ надо устранить возможные недоразумѣнія. Въ *нашемъ опытѣ* неорганическій міръ не есть хаосъ элементовъ, а рядъ опредѣленныхъ пространственно-временныхъ группировокъ; въ *нашемъ познаніи* онъ превращается даже въ стройную систему, объединенную непрерывной законмѣрностью отношений. Но «въ опытѣ» и «въ познаніи», это значитъ — въ чьихъ-либо *переживаніяхъ*; единство и стройность, непрерывность и законмѣрность принадлежать именно переживаніямъ, какъ организованнымъ комплексамъ элементовъ; взятый независимо отъ этой организованности, взятый «an sich», неорганическій міръ есть именно хаосъ элементовъ, полное или почти полное безразличіе. Это отнюдь не метафизика, это только выраженіе того факта, что неорганическій міръ не есть жизнь, и той основной монистической идеи, что неорга-

нический міръ отличается отъ живой природы не своимъ матеріаломъ (тѣ же «элементы», что и элементы опыта), а своей неорганизованностью (точнѣе, вѣроятно, *низшей* организованностью).

Если неорганизованная «среда» является промежуточнымъ звеномъ во взаимодействіи жизненныхъ процессовъ, если при посредствѣ ея комплексы переживаній «отражаются» одинъ въ другомъ, то не представляетъ ничего новаго и страннаго тотъ фактъ, что при посредствѣ ея же данный жизненный комплексъ «отражается» и въ себѣ самомъ. Комплексъ *A*, воздѣйствуя на комплексъ *B*, можетъ при посредствѣ его оказать вліяніе на комплексъ *C*,—но также и на комплексъ *A*, т.-е. на самого себя. Такъ, въ сѣтчаткѣ глаза, при посредствѣ свѣтовой среды, получается не только изображенія другихъ предметовъ, напр., чужого глаза, но также, при определенной комбинаціи условій, изображеніе этого самого глаза; живой организмъ, измѣняя свою жизненную среду, косвенно измѣняетъ себя самого, такъ какъ эта измѣненная среда въ свою очередь воздѣйствуетъ на него. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, что живое существо можетъ имѣть «внѣшнее воспріятіе» себя самого, можетъ видѣть, осязать, слышать себя, и т. д., т.-е. можетъ въ ряду своихъ переживаній находить такія, которыя представляютъ косвенное (при посредствѣ «среды») отраженіе этого же самаго ряда. Естественно также, что это «воспріятіе» окажется въ значительной мѣрѣ сходно съ «воспріятіемъ» даннаго жизненнаго процесса другими аналогично-организованными живыми существами, но отчасти также будетъ отъ него отличаться, въ силу не вполне одинаковыхъ отношеній къ «средѣ», составляющей промежуточное звено между жизненнымъ процессомъ и его «воспріятіемъ». Напр., зрительное воспріятіе лица *A* у него самого во многомъ не такое, какъ у другихъ окружающихъ его людей—*B*, *C* и т. д.; но это различіе того же порядка, какъ различіе воспріятія *A* въ психикѣ другого лица *B* въ зависимости отъ разстоянія, взаимнаго положенія того и

другого, отъ освѣщенія, отъ мѣста, занимаемаго разными предметами среды, и пр. Словомъ, отношеніе «жизни» и ея «внѣшняго воспріятія» и здѣсь ничѣмъ принципиально не отличается отъ обычныхъ отношеній между какимъ-либо комплексомъ опыта и его «отраженіемъ».

Остается, наконецъ, еще одна и послѣдняя изъ основныхъ фазъ пониманія «жизни» — ея *объективная* концепція: жизнь, какъ объективно-закономѣрный процессъ въ ряду другихъ процессовъ объективнаго, «физическаго» міра. Съ точки зрѣнія индивидуалистической психологіи, эта фаза всецѣло выводится изъ ассоціацій личнаго опыта: координируя свои воспріятія и представленія, психика вырабатываетъ для нихъ пространственно-временной порядокъ; тѣсно объединяя въ этой системѣ воспріятія и представленія, взаимно сходныя по элементамъ, строенію и по отношеніямъ съ другими комплексами, психика образуетъ изъ нихъ «тѣла» и «процессы» объективнаго міра.

Такъ, съ этой точки зрѣнія, объективно-существующее «тѣло» человѣка является, въ опытѣ его самого и каждаго изъ другихъ людей, результатомъ простой индивидуальной координаціи (въ пространственно-временномъ порядкѣ) различныхъ «воспріятій» этого «тѣла» въ данной психикѣ. — Но для насъ такое пониманіе дѣла представляется весьма недостаточнымъ.

Мы не будемъ подробно излагать здѣсь наши воззрѣнія по этому вопросу, такъ какъ это выполнено въ предыдущей нашей статьѣ — «Идеаль познанія»; мы ограничимся тѣмъ, что сжато резюмируемъ свою точку зрѣнія. — Она такова. Характеристикой «физическаго» міра со всѣми его «тѣлами» или «процессами» является его «объективность», т. е. общезначимость. Принимая «объективный» опытъ съ его связью и закономѣрностью, человѣкъ принимаетъ тѣмъ самымъ, что этотъ опытъ, эта связь и закономѣрность не только для него и въ данное время, но для всякаго познающаго существа и во всякое время имѣютъ одинаковое познавательное значеніе. Такое отношеніе къ опыту не можетъ сложиться исключи-

тельно на почвѣ опыта индивидуальнаго; оно является результатомъ взаимнаго пониманія живыхъ существъ въ ихъ высказываніяхъ, и взаимнаго согласованія, взаимной гармонизаціи «высказываемыхъ» переживаній; словомъ, оно возникаетъ путемъ коллективной организаціи опыта.

Всего легче и яснѣе это можно показать на всеобщихъ формахъ «объективности» опыта, каковы «чистое» или «ариометическое» время, «чистое» или «геометрическое» пространство, и причинность. Ариометическое время и геометрическое пространство характеризуются своей полной *однородностью, непрерывностью и безграничностью*; для всѣхъ этихъ основныхъ чертъ нѣтъ почвы въ индивидуальномъ опытѣ, въ которомъ вырабатывается только «физиологическое» время и «физиологическое» пространство, неоднородныя въ своихъ частяхъ, лишенныя непрерывности и конечныя по своей величинѣ. Точно также въ индивидуальномъ опытѣ нѣтъ почвы для всеобщихъ объективныхъ отношеній причинности, а могутъ сложиться только *привычныя отношенія послѣдовательности явленій*, отношенія частнаго характера.

Такимъ образомъ формы «объективности» опыта суть формы его соціальной координаціи, а «объективный опытъ», вообще, опытъ соціально - организованный *). Всякія «объективно существующія» тѣла и процессы являются продуктомъ соціальнаго согласованія воспріятій и представленій, «переживаемыхъ» отдѣльными людьми и «выражаемыхъ» высказываніями. Таковы и «живыя тѣла», — физиологическіе процессы, то, что называется «физиологической стороной» жизни. Какъ видимъ, тутъ нѣтъ никакой особой «стороны» жизненнаго процесса, а только особый типъ группировки того же матеріала, какой имѣется

*) Хотя бы „опытъ“ быть по содержанію въ отдѣльномъ случаѣ еще только индивидуальнымъ, онъ есть опытъ соціально-организованный или объективный, если вполне укладывается въ формы „объективности“ опыта, въ формы его соціальнаго согласованія. См. вышеупомянутую статью.

въ предыдущихъ двухъ фазахъ понятія жизни (жизнь во «внѣшнемъ воспріятіи» различныхъ живыхъ существъ и, конечно, въ соотвѣтствующемъ ихъ «представленіи»).—Это результатъ коллективной гармонизаціи тѣхъ безчисленныхъ «отраженій», которыя порождаются одними жизненными комплексами въ другихъ.

Благодаря этой гармонизаціи достигается то, что «объективное» представленіе жизни (какъ фізіологическаго процесса) все въ большей мѣрѣ начинаетъ соотвѣтствовать ея дѣйствительному, *непосредственному* содержанію. Психо-энергетика впервые создаетъ настоящій *познавательный параллелизмъ* между жизнью, какъ комплексомъ переживаній, и ея отраженіемъ въ соціально-организованномъ опытѣ *). Въ то же время отношеніе между жизнью въ ея непосредственномъ содержаніи и между жизнью обьективированной для познанія оказывается принципиально то же, что между какимъ бы то ни было комплексомъ опыта и его отраженіемъ въ другомъ комплексѣ. Тутъ не остается мѣста никакому дуализму. Это точка зрѣнія *эмпириомонизма*.

Съ этой точки зрѣнія какъ нельзя болѣе просто и понятно, какимъ образомъ для каждого человѣка, кромѣ его собственнаго непосредственно-психическаго опыта, существуетъ также психическій опытъ другихъ людей, и вообще другихъ живыхъ существъ. Этотъ чужой опытъ, какъ мы знаемъ, конструируется на основаніи высказываній. Воспроизводя чужое «сознаніе», психика дѣйствуетъ по типу фонографа. Воспринятія вами высказыванія другихъ людей представляютъ своеобразное «отраженіе» ихъ переживаній, отраженіе очень «непохожее», но функціонально-зависимое отъ «отражаемаго»,—

*) Намъ нѣтъ надобности останавливаться на обычныхъ „психо-физическихъ“, всегда, въ сущности, дуалистическихъ представленіяхъ о жизни (жизнь, какъ совокупность параллельныхъ или непараллельныхъ рядовъ психическаго опыта и фізіологическихъ процессовъ). Это исторически необходимая и проходящая комбинація

точно такъ же какъ черточки на валикѣ фонографа «непохожи» на отразившуюся въ нихъ мелодію, но функціонально-зависимы отъ ея строенія. И какъ эти черточки при движеніи фонографа служатъ исходной точкой «воспроизведенія» мелодіи, т.-е. собственно *второго ея отраженія*, болѣе съ ней сходнаго, чѣмъ первое, такъ чужія высказыванія при ассоціативной дѣятельности сознанія служатъ исходной точкой «воспроизведенія» чужихъ переживаній, т.-е. второго ихъ отраженія, болѣе съ ними сходнаго, чѣмъ первое. Чужой психическій опытъ въ нашемъ познаніи есть *отраженное отраженіе* непосредственныхъ переживаній другихъ существъ.

Въ предыдущемъ мы показали, что стройная и гармоническая концепція опыта возможна только въ томъ случаѣ, если мы за всякой фізіологической организаціей жизни будемъ принимать «ассоціативную» организацію переживаній — если признаемъ полный параллелизмъ жизни въ «объективныхъ» и «субъективныхъ» ея проявленіяхъ. Другими словами, всякій «фізіологическій» процессъ долженъ разсматриваться, какъ обнаруженіе, «высказываніе» ассоціативныхъ, непосредственныхъ комплексовъ (мы назвали бы ихъ «психическими», если бы съ этимъ терминомъ не соединялось обыкновенно представленіе объ извѣстной сложности переживаній).

Не слѣдуетъ ли распространить этотъ принципъ, кромѣ живой природы, также на всю «мертвую», неорганическую? Для послѣдовательнаго монистическаго мышленія, это неизбѣжно, но только какъ *познавательная тенденція*; конкретно же осуществить ее мы въ настоящее время *почти* не въ силахъ. Фонографъ только тогда можетъ правильно воспроизвести мелодію, когда игла его движется въ средѣ, достаточно сходной съ тою, въ которой мелодія была воспринята (т.-е. съ атмосферою). Помѣстите фонографъ въ воду или въ безвоздушное пространство — и воспроизведеніе записанныхъ фонографомъ мелодій въ прежней ихъ формѣ не удастся ни въ какомъ случаѣ. То же относится и къ «фонографической» дѣятельности психики. Наша психика тѣмъ менѣе точно воз-

создаетъ переживанія другого существа, чѣмъ менѣе сходна она съ психикой этого существа: несходство психической среды переживаній препятствуетъ «пониманію» чужихъ высказываній. Намъ удастся еще до извѣстной степени воспроизводить въ своей психикѣ различныя переживанія высшихъ животныхъ, и это познавательно — полезно, такъ какъ помогаетъ намъ предвидѣть ихъ дѣйствія. Но уже по отношенію къ низшимъ животнымъ — сравнительно рѣдко удастся стать на точку зрѣнія ихъ психики; обыкновенно мы не «понимаемъ» ихъ высказываній настолько, чтобы предвидѣть что-либо на этомъ основаніи. Такимъ образомъ, уже здѣсь чаще приходится подставлять «физиологическое» вмѣсто «психическаго», чѣмъ наоборотъ. По отношенію къ растениямъ самое понятіе «высказываній» становится почти бесполезнымъ; тѣмъ болѣе бесполезно оно по отношенію къ неорганическому міру. Ассоціативные комплексы — это комплексы опредѣленнымъ образомъ *организованные*; какимъ образомъ можемъ мы ихъ подставить подъ неорганическія явленія, въ которыхъ вообще не находимъ организованности? Хаосъ элементовъ — вотъ въ какомъ видѣ приходится намъ представлять неорганическій міръ «въ самомъ себѣ».

Первобытный анимистъ и современный поэтъ отнюдь не выходятъ за предѣлы законныхъ приѣмовъ познавательнаго творчества, когда они „одушевляютъ“ всю природу. Но научное познаніе изъ безчисленныхъ примѣненій этихъ приѣмовъ выбираетъ только то, что можетъ послужить къ расширенію человѣческаго „предвидѣнія“. т.-е. въ концѣ-концовъ къ возрастанію власти человѣка надъ природою.

III.

Та элементарно-простая и понятная концепція жизни, которую мы приняли, неминуемо должна встрѣтить рядъ возраженій, съ которыми мы и должны, по мѣрѣ возможности, считаться заранее. Мы не обязаны, конечно, принимать во вни-

маніє тѣ безчисленныя недоумѣнія и противорѣчія, которыя будутъ исходить изъ привычныхъ дуалистическихъ концепцій, или изъ метафизическихъ основаній: первыя потому, что дѣло идетъ какъ разъ объ устраненіи всякаго дуализма. вторыя — потому что наша задача отнюдь не выходитъ за предѣлы гармонизаціи возможнаго опыта, и, слѣдовательно, не имѣетъ къ мет-эмпириі никакого отношенія. Но явятся и такія возраженія, которыя будутъ стоять всецѣло на эмпирической почвѣ; легко предвидѣть тѣ изъ нихъ, которыя должны представляться наиболѣе очевидными и естественными.

Прежде всего, можетъ показаться страннымъ, до какой степени велико въ нашей концепціи несходство между «отраженіемъ» и «отражаемымъ». Если «воспріятіе» живого существа *A* въ сознаніи другого существа *B* есть отраженіе всего комплекса переживаній *A* въ комплексѣ *B*, то это, какъ будто, слишкомъ ужъ незначительное и непохожее отраженіе: колоссальный комплекс переживаній, охватывающій цѣлый міръ индивидуальнаго опыта, съ одной стороны, и незначительная зрительно-тактильно-акустическая комбинація элементовъ, съ другой: что здѣсь общаго? Отвѣтитъ легко: общаго здѣсь то, что всегда имѣется общаго между «отражаемымъ» и «отраженіемъ», насколько извѣстна намъ связь опыта; это общее — функціональная зависимость «отраженія» и «отражаемаго». Зависимость эта достаточно опредѣленна и полна, чтобы существо *B*, на основаніи своего воспріятія *A*, могло «понимать» *A*, т.-е. представлять себѣ, съ приблизительной вѣрностью, его непосредственныя переживанія и ихъ измѣненія, нерѣдко даже очень незначительныя. Иного «сходства» мы и ожидать не можемъ. Какое «сходство» между переменной погоды, и между движеніемъ ртутныхъ столбиковъ барометра и термометра? Между тѣмъ, для метеоролога это достаточно ясныя «отраженія». И притомъ, здѣсь еще скорѣе можно было бы ожидать нѣкотораго непосредственнаго сходства между отражаемымъ и отраженіемъ, потому что дѣло идетъ о вліяніи одного *неорганизованнаго* комплекса элементовъ —

атмосфера — на другой, также *неорганизованный* — ртутный столбикъ: неорганизованные комплексы должны «отражать» другъ друга съ наименьшимъ, такъ сказать, сопротивленіемъ. — Напротивъ, комплексы организованные, т.-е. стройные, устойчивые, сохранявшіеся подъ различными вліяніями, должны «отражать» эти вліянія въ наиболѣе «измѣненномъ» видѣ. Сложившаяся организація жизни отнюдь не простое зеркало для ея среды.

Но, скажетъ читатель, даже для чисто функціональной зависимости тутъ дано слишкомъ мало. Человѣкъ живетъ, полужимъ, страшно интенсивной жизнью; за самое короткое время его психика испытываетъ цѣлые перевороты, вся дѣятельность сознанія мѣняетъ свое направленіе и характеръ, а «воспріятіе» этого человѣка, т.-е. отраженіе его переживаній въ психикѣ другого, остается приблизительно такимъ же, какъ и прежде. Отчего оно не мѣняется столь же радикально, какъ и то, чего «отраженіемъ» оно является?

Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи. Тотъ организованный комплексъ переживаній, который составляетъ данное «существо», вовсе не подвергается *въ своемъ цѣломъ* такимъ «переворотамъ», какіе происходятъ въ сферѣ «сознанія», не подвергается никогда, кромѣ развѣ случая дезорганизаціи, т.-е. смерти. Въ предыдущемъ было достаточно выяснено, что дѣйствительная сумма переживаній, соответствующая данному фізіологическому организму, неизмѣримо шире того, что въ данный моментъ имѣется въ полѣ сознанія. Даже область собственно «психического опыта», считая въ ней всю совокупность переживаній, сохраняющихся въ сферѣ «памяти» и возобновляющихся въ сознаніи при наличности извѣстныхъ условій, даже эта область почти безконечно превосходитъ по своимъ размѣрамъ всякое данное поле сознанія: въ этомъ полѣ выступаютъ, главнымъ образомъ, текущія жизненно важныя измѣненія въ системѣ психического опыта. Съ какой бы быстротой и интенсивностью ни совершалась работа сознанія, она не можетъ внести большихъ перемѣнъ въ самую обшир-

ную область опыта — область прошлого, и въ самыя главные его группировки — общія формы координаціи, выработанныя этимъ прошлымъ опытомъ. — Но и вся сфера психического опыта составляетъ только часть и, можно думать, незначительную часть той суммы переживаній, которая въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ данному «организму»: психическій опытъ есть только главная координація этихъ переживаній; но кромѣ нея, какъ мы видѣли, существуетъ еще множество побочныхъ, находящихся съ ней въ связи, но и въ то же время относительно независимыхъ координацій, болѣе узкихъ и менѣе организованныхъ; всякой живой клѣткѣ соотвѣтствуетъ, съ нашей точки зрѣнія, нѣкоторый, хотя бы незначительный комплексъ переживаній, и эти безчисленные комплексы лишь въ ничтожномъ меньшинствѣ случаевъ попадаютъ въ сферу непосредственного психического опыта. Такое живое существо, какъ человѣкъ — это цѣлый міръ переживаній, и всѣ «перевороты», происходящіе въ сознаніи, преобразуютъ каждый разъ лишь ничтожную часть этого міра. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что и «внѣшнее воспріятіе», которое является «отраженіемъ» этого міра въ другомъ подобномъ мірѣ, лишь незначительно измѣняется при кажущихся переворотахъ психики *). И все же оно измѣняется настолько, что въ большинствѣ случаевъ достаточно «выражаетъ» подобные перевороты, иначе они не могли бы быть замѣчены и поняты другими живыми существами при помощи высказываній.

Но простое «воспріятіе» одного живого существа въ опытѣ другого (или его самого) есть только низшая фаза «отраженія» жизненнаго комплекса въ другихъ такихъ комплексахъ

*) Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія вполне мыслимо двойственное сознаніе при одномъ „физиологическомъ организмѣ“: оно означало бы лишь частичную дезорганизацію въ сферѣ психического опыта, т.-е. опять-таки въ одной частной области даннаго комплекса переживаній — „живого существа“.

(или въ немъ самомъ). На дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія изъ такихъ «воспріятій» создаются «тѣла» и «процессы» объективнаго міра. Это происходитъ путемъ накопленія индивидуальнаго опыта—съ одной стороны, и путемъ соціального общенія—съ другой. Въ личномъ опытѣ однородныя воспріятія и представленія объединяются въ прочные комплексы; взаимная передача переживаній при обмѣнѣ особей высказываніями ведетъ къ тому, что однородные комплексы, сложившіеся въ опытѣ различныхъ особей, взаимно дополняются и гармонизируются, приобрѣтая характеръ общезначимости или объективности, становясь комплексами соціально-организованнаго опыта. Такъ получаются «физическія тѣла» и «процессы». Въ ряду ихъ выступаютъ и «живые организмы», объективныя фізіологическія координаціи—отраженіе индивидуальной жизни въ соціально-организующемся опытѣ, отраженіе неизмѣримо болѣе сложное и полное, чѣмъ отдѣльное «воспріятіе» живого организма въ опытѣ другого.

Непрерывно расширяющійся коллективный опытъ, принимающій въ жизни культурнаго человѣчества форму опыта научнаго, основаннаго на планомерномъ изслѣдованіи, вноситъ все новыя и новыя черты въ понятіе о фізіологическомъ процессѣ, обогащаетъ представленіе объ организмѣ новыми и новыми элементами. Въ результатѣ—«отраженіе» начинаетъ все точнѣе соответствовать «отражаемому», функциональная связь того и другого становится все болѣе прямой и отчетливой. Имѣя передъ собою тѣ или иныя «непосредственныя переживанія», люди сознательно ищутъ прямо соответствующихъ имъ фізіологическихъ процессовъ, и наоборотъ. При этомъ всѣ различныя степени и формы организаціи непосредственныхъ переживаній находятъ себѣ объективное отраженіе въ различныхъ степеняхъ и формахъ организаціи фізіологической. Это *психо-фізіологическій параллелизмъ жизни*, но не въ дуалистическомъ, а въ строго монистическомъ его значеніи: параллелизмъ не двухъ атрибутовъ одной субстанціи, не двухъ сторонъ одной реальности, а параллелизмъ отражае-

маго съ его отраженіемъ, такой же, какой наблюдается при взаимодействіи всѣхъ возможныхъ комплексовъ опыта, когда одни комплексы «отражаются» въ другихъ и обратно.

Путь, которымъ мы пришли къ принятой нами точкѣ зрѣнія, въ основныхъ чертахъ таковъ. Вслѣдъ за большинствомъ современныхъ психологовъ, мы признали, какъ фактъ, психологическій параллелизмъ жизни, или, говоря общѣе, функціональную зависимость между жизнью физиологической и непосредственными переживаніями. Объясненія этой связи мы считали возможнымъ искать только въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ опыта, не пытаясь выйти за его предѣлы. Въ опытѣ параллелизмъ или однозначущая функціональная зависимость выступаетъ, какъ постоянное отношеніе, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ «отраженіи» одного комплекса въ другомъ или, выражаясь точнѣе и отвлеченнѣе, о результатахъ вліянія одного комплекса на другой. Конечно, параллельны не только «отраженіе» съ «отражаемымъ», но также и два «отраженія» одного и того же третьяго; однако, такъ какъ въ опытѣ мы не находимъ ничего третьяго, «отраженіемъ» чего могли бы быть одновременно и физиологическій процессъ, и потокъ непосредственныхъ переживаній, а за предѣлы опыта мы не умѣли и не желали выходить, то мы должны были принять, что изъ двухъ послѣднихъ одно является «отражаемымъ», а другое «отраженіемъ». Но такъ какъ исторія психическаго развитія показываетъ, что объективный опытъ съ его непрерывной связью и стройной законмѣрностью есть результатъ долгаго развитія, и лишь шагъ за шагомъ кристаллизуется изъ потока непосредственныхъ переживаній, то намъ оставалось только принять, что объективный физиологическій процессъ есть «отраженіе» комплекса непосредственныхъ переживаній, а не наоборотъ. Дальше оставался вопросъ: если «отраженіе», то въ чемъ же именно? Отвѣтъ мы дали сообразно съ принятой нами социальномонистическѣй концепціей опыта. Признавая общезначимость объективнаго опыта за выраженіе его социальной организованности, мы пришли къ слѣдующему

эмпириомонистическому выводу: жизнь физиологическая есть результат коллективной гармонизации «вышнихъ воспріятій» живого организма, изъ которыхъ каждое является отраженіемъ одного комплекса переживаній въ другомъ (или въ немъ самомъ). Другими словами: *физиологическая жизнь есть отраженіе жизни непосредственной въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ.*